

A person is seen from behind, sitting on a grey, jagged rock. They are wearing a blue jacket, brown pants, and a red backpack. They are looking out over a vast, deep valley. The valley floor is covered in green grass and patches of yellow and orange autumn foliage. In the distance, there are steep, rugged mountains with patches of snow and glaciers. The sky is a clear, deep blue. The overall scene is one of a peaceful, scenic mountain landscape.

Анатолий Дебелев

Канченджанга или Дом на хуторе

Анатолий Лебедев Канченджанга или Дом на хуторе

<https://litres.ru/74146224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман, или, точнее романс – не про героев-альпинистов. И не про то, как они превращаются в скучных обывателей, после блистательных побед над вершинами оседающих на тихой даче, утешая старость яркими воспоминаниями.

Это совсем о другом. О праве на мечту и выбор, о внутренней свободе простых людей, способных жить вопреки безумствам и порокам окружающего мира. Об умении терять и дарить, обретая свободу. Об искусстве развернуть свою жизненную задачу в помощь обездоленным другим. О силе и красоте человеческой общины, способной обогатить творческий дух человека, открывая ему новые пути – рядом и наедине с другими. Это романс о песне души, сумевшей одолеть войну и недоверие в единстве человека и природы. Это гимн деревне, неумоимо уничтожаемой разными властями и всегда возрождаемой из руин руками и волей свободных людей.

Наконец, это романс о непростом выборе между одиночеством и братством, когда одиночество перестает быть открытием, а братство становится нравственным долгом.

Содержание

Глава	5
Часть первая. Дом на хуторе	7
1	7
2	14
3	17
4	22
5	27
6	29
7	32
8	36
9	42
10	46
11	51
12	55
13	62
14	69
15	74
16	78
17	84
18	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анатолий Лебедев Канченджанга или Дом на хуторе

Глава

*«У кого есть Зачем, тот выдержит почти любое Как.
Фридрих Ницше*

*«Не желаем жить мы по-другому, ходим мы по краю...
родному!»*

Песенка разбойников

«История человечества — не летопись борьбы за свободу, а хроника изобретения более удобных форм несвободы: любить и подчиняться проще, чем сопротивляться»

Бомж Палыч

«Бедный не тот, у кого мало, а тот, кому нужно много»

Хосэ Мухика

Волишебные цветы Несбывшегося всегда прорастают сквозь жесткую твердь асфальта. И счастливцу открывается параллельный мир, познаваемый, однако, лишь после великого отречения, или ценой гибельных потерь. Это мир без лжи и страха, мир вдохновенного творчества, где со-

весть ценнее корысти, а смерть — слаще рабства.

Этот роман — о свободных людях из несбывшейся страны, которые сумели одолеть главные пороки цивилизации: жадность, ненависть, ложь, насилие, и посвятить жизнь мечте и поддержке обездоленных. Это скорее не роман — романс о бомжах, сиротах, дезертирах и мечтателях, строящих свою жизнь вопреки кривым лекалам власти, в поиске истины между возвышенным одиночеством и общиной. О тех, кто готов и умеет терять, сопереживать и дарить, обретая свободу.

Все, о чем здесь рассказано, могло происходить в любой территории Тихоокеанской России, если бы... если бы это не было лишь маленьким эпизодом Несбывшегося. Ибо только в нем могут жить столь удивительные люди, мимо которых мы в нашем мире проходим, не замечая, в вечной гонке за мнимым успехом и благополучием, в попытке соответствовать навязанным правилам и ценностям...

Часть первая. Дом на хуторе

1

Рождался Я долго. Был Его кровью, руками, болью, надеждой, потому что все это и есть суть рождения. Каждая досочка в Моем сложном организме — это клетка Его тела, частица Его души и мысли. Каждый шуруп, завинченный ровно настолько, чтобы головка не утопала слишком глубоко и не торчала над поверхностью даже на долю миллиметра — это плод Его точного расчета, опыта и усилий пальцев, нажимающих курок шуруповерта. Каждый стекольный штапик в окошке, глядящем на леса и озера, на дальние горы, прижат так плотно, чтобы при сильном ветре не было люфта у стекла, вибрации и шума, но и чтоб не создать в хрупком листе лишнего давления и риска трещины.

Я и продолжаю рождаться, пока Он живет, во Мне или без Меня. Все новые и новые Мои частички появляются сначала в Его сознании, чтобы Я стал еще лучше, красивее и удобнее. Потом идеи начинают обретать плоть в материалах. Хотя бывает и наоборот: Он просто живет, глядя вокруг широко раскрытыми глазами, замечая все, чего не видят многие, утопающие взором в маленьком экране смартфона. Он видит камни, песок и траву, деревья и листья, ветки и коря-

ги, куски металла и морские ракушки — то, что давно перестало быть частью природы, потом изделием человеческих рук и машин. То, что отслужило людям в качестве полезных предметов, потеряло для них ценность и перешло в категорию мусора — того, от чего человечество тщетно пытается избавляться.

Все это возбуждает в Его сознании идеи и образы, связанные с Моим обликом и удобством. И тогда Он просто берет этот предмет, как бы уже не существующий для большого мира, изучает и открывает для него новую жизнь, вместе со Мной. Так Он творит иную реальность, элемент другого, будущего мира. Тут нет ничего загадочного, ведь мир всегда и во всем, в каждой живой клетке отмирает и претворяется ежесекундно. Но в Моем случае происходит нечто иное: постепенное рождение Меня из множества элементов окружающего пространства с помощью волшебного катализатора по имени Его интеллект.

... Сначала была мертвая деревня среди заброшенных мокрых лугов и плавней, с небольшим дубняком на сопочке, над озером, и относительно ровной площадкой на склоне. Никто сюда давным-давно не ходил, да и некому было: в тревожные времена приграничной вражды крестьян из деревни изгнали от греха подальше, а в выживших убогих хатах оставались бедовать с коровой да чушкой одна-две беспутных нищих семьи. Опустевшие избы, частью собранные из добротного кедра, лиственницы и дубовых плах, потихонь-

ку разбирали смышленные людишки из окружных научных, то ли военных затейливых мест. Деревня умирала медленно, долго, в конвульсиях, то сдаваясь случайной алкашне или наркотам, то обретая разовую подмогу, в хлипкой чьей-то надежде на возрождение.

Однажды в далеком городе некие ученые люди, развернув карту тамошних обширных болотистых земель и озаботившись сохранением на них живности, малой и неяркой, летучей, бегучей, ползучей и плывучей, порешили защитить эти земли от всякого человека с любой идеей «обживания» и «освоения», поставив Природу во главе. Деревня стала умирать уже по закону, потому что так стало положено. Пока в деревню не пришел Он, со своей мечтой обо Мне — Доме, который уже начал зарождаться в Его неутомимом сознании.

Тут следует пояснить, что Дом — это совсем не то, что видится глазами, не стены с окнами и крышей, не интерьер с мебелью и туалетом, и даже не кухня с холодильником и ласковой хозяйкой вокруг него. Дом — это дух, тонкие вибрации творца, Его мир и Его дитя, живой организм, в котором каждый орган и каждая клетка развивается по Его замыслу, но и по своей особой программе. Здесь всякому предмету отведено свое место, такое, чтобы касаясь этого предмета, пользуясь им, Он получал ответный импульс, как мужчина получает трепетный ответ, когда ласкает любимую и любящую женщину.

Когда Он приляжет отдохнуть на диване, словно парящем

над полом на резных ножках, любовно выточенных Им из экзотического бриара и отполированных до благородного блеска, Его голова удобно устроится на бархатистом подголовнике, чтобы дать отдых утомленным мышцам шеи. Больше того: небольшой этот диван установлен в гостиной так, чтобы, полулежа, отвлечшись на минуту раздумья от книги, Он мог наблюдать за окном трепет живых дубовых крон под легким луговым ветром, или игры вольных пичуг в погоне за стрелками. А сместив взор от окна вверх, к потолку, обласкать этим взором причудливый абажур над лампой, собранный Его руками из множества морских раковин, найденных во время блужданий по окрестным диким отмелям или в путешествиях на дальних чужих берегах.

Ближе к ночи, когда солнце смягчает свой пыл и Мои внутренние пространства погружаются в утешительный, раздумчивый полумрак, ожидая плавного перехода к вечерней световой программе, начинается Мое новое превращение. Он, словно великий маг, знающий тайные точки этой программы, распределенные повсюду в удобных местах, касается их своей искусной рукой, оживляя элементы Моего существа один за другим, открывая в каждом новые оттенки, уголки, неприметные в свете дня. Пока тает за окнами животворный свет солнца, Я обретаю ранее скрытую ипостась, заложенную во Мне Им, но еще неизведанную гостями. Я превращаюсь в живой островок света и уюта среди звезд и темных лугов, мерцающих бликами озер и проток, среди за-

сыпающих в ночном безветрии дубняков. Становлюсь светочем в ночи, столь привлекательным для ее ангелов, бабочек-совок. Они кружат у фонаря над крыльцом, украшая выстланный плоским камнем двор причудливым мерцанием, и наконец припадают к Моим стенам всем своим телом, готовясь кто к гибели, кто к перерождению. Словно впитывают Мою долгую энергию совершенствования, которой лишены сами.

Вечер — это время мягкого внутреннего света, льющегося из рукотворных лампад и ночников, устроенных Им всюду, где это может понадобиться в спокойном отдохновении. Это время, когда начинает звучать тихая музыка из неприметных динамиков, создавая ощущение, будто она течет прямо с небес, из уснувшего мира за стенами, приглашая раствориться в нем душою и телом. Это время, когда из холодильника достают запотевшую бутылку вина, открывают и разливают по бокалам для Него и гостей, когда Он сочтет интересным разделить Мой уют и Мои тайны с кем-то из знакомых и близких. И когда гости сумеют отыскать возможность и изъявить желание приобщиться к Моему миру, одолев обширные дикие пространства, лежащие между Мной и усталыми, шумными городами, желая гармонии, избегая бессмысленной суеты и конфликтов.

За длинным столом в просторной гостиной, под блеск бокалов в призрачном свете они ведут тихие разговоры о том мире, который упорно побуждает их искать утешения и раз-

думья во Мне и с Ним. О, как удивительны и причудливы эти неспешные беседы о странных играх и битвах людей, жаждущих преобладания и власти, удовольствий и безделья, и обретающих в итоге лишь одинокую старость и смерть в окружении никчемного хлама, скрытой ненависти или равнодушия, одетого лживой печалью! Я, предназначенный Им для бесконечного творения и обновления, как окружающий Меня мир природы, при этих беседах испытывал к людям сначала недоумение — зачем? Потом даже злость — остановитесь, хватит кричать миру о себе, рожать новых людей и накапливать хлам, разоряя природу! Наконец, по зрелости, обозначая свое достойное место в Его мироощущении и среди окружающих просторов, пришел к состраданию. Их, обреченных горожан, утративших связи и смыслы, Мне стало жаль. Наконец, их стоило просто забыть.

К счастью, таких, утративших и достойных забытья, бывает немного. Мои гости к их числу чаще всего не относятся. Это люди, близкие Ему по духу и способности мыслить, лишь потому они и оказывались здесь. В Моем пространстве мира и гармонии, в потоке вечного творения нового, где смерть — естественна и незаметна, как заход солнца, как всего лишь другая сторона рождения, в этом пространстве такие уместны. Вступая в Мою атмосферу летом, когда материал Моих стен и система движения воздуха между ними и этажами дают желанную прохладу и отдохновение от наружного зноя, они не просто предаются усладе тела, но задают-

ся вопросом — как этот островок свежести может храниться под раскаленной кровлей и бьющими в окна лучами? Любознательные гости познают секреты вентиляционных отдушин в разных углах, проветриваемого чердака и подполья, и лишь потом утоляют жажду прохладными напитками.

Особо пытливым более интересна зима, когда Он в нечастые визиты запускает в гостиной небольшую железную печь, насытив ее чурками из валежника, собранного в окрестной рощице. В простылом Моем пространстве оживший очаг тепла сразу раскрывает радугу затей и секретов, заложенных Им в ходе творения. Переход в зиму для Него и для Меня — событие эпохальное, требующее внимания ко множеству деталей. Здесь нельзя упустить ничего, потому что переход влаги к твердому состоянию и обратно во многих сосудах и емкостях, создающих летний комфорт, в промежуточное время грозит наоборот массой тревог. Даже если Он успеет до заморозков опустошить все емкости, шланги, трубы и запорные вентили, которых во мне десятки, и начнет обходиться водой из бутылок или колодца, спасение Меня от неизбежного конденсата в самых неожиданных местах остается занятием исследовательским. И оно по силам только Ему, знающему, как устроен каждый элемент Моего живого организма, где можно ждать подвоха со стороны коварной, всепроникающей влаги.

2

Человеку зимой легко: надел теплую одежду, натопил печку или запустил камин, устроился с друзьями поближе к очагу жара, разлил бутылочку по кружкам (бокалы зимой отдыхают!), и желанный комфорт как будто вернулся. А вот для Меня с этим начинается настоящее испытание. Пространство Мое прогревается постепенно, отвоеывая у холода новые закутки и элементы. Даже если использовать вентилятор, волны его ветра достанут не всюду. Особенно долго нужно прогревать стены, потолки и пол, и труднее всего тепло добывается на второй этаж, где Он и гости обычно коротают ночь. Это требует от Него поддерживать постоянный источник тепла — печку долгих несколько дней, на что Он, к Моей печали, способен нечасто. Городская суета все еще держит Его, не отпускает, подвергая Мое сложное тело рискам промерзания от влаги, накопленной за краткую «оттепель» в Его зимние визиты.

Конечно, очень помогает в такие дни электричество, которое Ему за время постройки удалось провести из умершей деревни, сохранив таким образом не слишком привлекательную, но очень важную для человека зависимость от далекого города с его электростанциями. Гарантированный комфорт без усилий и забот — как он привык к этому, современный горожанин! Разумеется, Ему известны автоном-

ные источники электричества — солнечные панели, способные обеспечить достаточно света вечерами и даже энергию для холодильника, простой плитки и Интернета. Но достаточного тепла в зимнюю ночь такие панели дать все же не могут. Хотя грелки разных типов, распределенные Им в разных уголках Моего внутреннего пространства, помогают Мне набирать тепло равномерно.

Как только очаги тепла обретают силу, постепенно прогревая воздух, влага начинает оседать на еще холодных поверхностях. В том числе и тех, которые недоступны внешнему контролю — внутри всей Моей конструкции, потаенных закутах, в мебели. Чтобы ее удалить, единственный способ — прогревать пространство долго, несколько дней, вытесняя холод к наружным поверхностям и испаряя конденсат с внутренних. Тогда обратный Мой возврат в зимнюю спячку пройдет без ущерба. Но Он обычно спешит вернуться в город, так что конденсат остается в Моем теле и постепенно превращается в лед, расширяясь в мелких порах и разрушая материалы и конструкции.

Это — тихая и медленная беда для нас обоих, и Он старается изо всех сил ее избежать. К Его чести, Он учитывал этот феномен с самого начала, еще когда выбирал материалы для стен и полов и устраивал вентиляционные отдушины в разных местах. Разогревая Меня зимой, Он использует вентиляторы, чтобы распределить тепло равномерно и уменьшить оседание влаги. Иногда даже старается продлить свой визит с

гостями, развлекаясь подледной рыбалкой на соседнем озере или в морском заливе. Такие визиты для Меня — настоящее событие, потому что в Мою извечную тишину они привносят биение далекой и бурной внешней жизни, полной тревог, непонимания, обид, но также и глупых мелких радостей.

Они жарят рыбу, варят уху, садятся за овальный стол, и говорят, говорят, будто привычная во Мне тишина их пугает. Отгораживаются от своей глубинной сущности словами, в надежде, что кто-то их услышит, поддержит, примет их позицию в вечных спорах между Добром и Злом, между Щедростью и Корыстью, Богатством и Скромностью, Властью и Гармонией. Между Обществом и Одиночеством.

3

Когда собираются гости, неважно летом или зимой, и за столом, после купаний, рыбалок и долгих прогулок по лесным тропкам, затевается Разговор, главным импульсом для него почти всегда оказывается вопрос — Зачем?

Я давно понял, что этот опасный вопрос способен парализовать любую инициативу и волю людей к действиям. Потому что ни один ответ на него никогда не выглядит исчерпывающим, окончательным. Обычно, когда Я осознаю себя, согласно Его замыслу, частью окружающей дикой природы, этот вопрос, прямо заданный кем-то или незримо присутствующий в пространстве, Меня радует. Слишком уж много натворили люди на Земле, отложив этот вопрос «на потом», до смертного одра, когда спохватываться о содеянном уже поздно, остается лишь смиренно каяться. Оттого и был таким долгим Его путь в поисках места, где допустимо, достойно и безопасно разместить Меня. Многие, с кем Он советовался тогда, благосклонно делились своими знаниями о территории, действующих на ней законах и ограничениях, но немало было и таких, особенно при власти, кто напрямую или мысленно, одним взглядом, атаковали Его выбор — Зачем?

Если живешь ты в городе, имеешь комфортный дом, семью, взрослых детей и малых внуков, привязанных к детсаду

и школе, если вписан в круг друзей, деловых и личных связей и обязательств, если нужен многим там — Зачем Дом в сотнях километров? Без дороги, водопровода, канализации, надежной связи — Зачем?

С этого убийственного, но одновременно и ключевого, плодотворного жизненного вопроса, возникшего в умах «решателей» Моей судьбы и повторенного вслух сотни раз, и начинался путь к Моему сотворению. На деле самым интересным был процесс превращения самого вопроса в радугу ответов, сомнений, доводов в Мою пользу и в пользу выбираемого места, или против — и Меня как задуманной сущности, и Моего места. А потом и переход уже к собственно решению — появиться Мне или нет. Этот путь не менее долг, чем тот, что следует за ним, когда идея, образ начинает превращаться в материал и новую сущность, уже имеющую право гордо зваться словом Дом.

Он отвечал на этот вопрос, мысленно или словесно, всякий раз по-новому, высвечивая разнообразные закоулки смыслов, определяющих варианты человеческого бытия. Например: «Если я появился в этой природе как причудливое сочетание живых клеток, наделенное не только генетическим кодом, но и разумом, то бесследный распад этого сочетания в назначенный Универсумом момент делает бессмысленным сам факт моего появления, развития и накопления знаний. Стало быть, в итоге бытия живого существа должен бы остаться какой-то след кроме горстки неразлага-

емых костей. Кто-то верит, что сгусток интеллекта и мысли, накопленный человеком в процессе биологического бытия, с распадом тела и рекомбинацией его клеток в новые формы не исчезает, а остается в мировом пространстве в виде некоей энергетической сущности, продолжая играть роль в неведомом людям процессе мироздания. Но проверить это никто не в силах. Оттого и жаждут люди творчества, искусства, чтобы все-таки придать смысл своей краткой биологической остановке в безудержном вращении колеса Времени и Сансары».

Дом, наверное — самое насыщенное, осмысленное и сложное творение человека. И самое массовое: так или иначе, он есть почти у каждого. Он развивается и меняется постоянно, пока живет Творец и его разум, пока руки его способны изменять, созидать и дарить. Я — лучший ответ на вопрос «Зачем?» Но вовсе не единственный. Если Дом — вершина творения, синтезирующая мастерство ума, рук, гармонию многих душевных струн, то и постигать эту вершину следует постепенно, шаг за шагом, вкушая малые открытия и удачи со вкусом и смыслом. Так движется к своей вершине альпинист, тренируя тело и волю от одной высоты к другой, отвергая и одолевая обступающий его со всех сторон ненавистный вопрос — Зачем? В какой-то миг иной такой покоритель вершин достигает предела терпения, впадает в веселый раж и бросает в ответ — «А по приколу»! И тем отпускает последний тормоз своей защиты и страховки, превращает

щаяся в чистое стремление — и гибнет.

О нет, Мне милее альпинист — стоик, гений процесса и герой идеи! Его жизнь — служение деталям, в каждой из которых собран опыт многих восходителей и их открытий. Служение и продолжение, бесконечное совершенствование техники и технологии восхождения — только так и достигается главная вершина любой жизни, любого творчества! Потому подлинный ценитель Вершины и Достижения — не тот, кто исторг в себе дозу адреналина при взгляде на фото героя на крыше мира, а тот, кто мысленно, силою духа прошел с ним весь путь, от осмысления цели до победы, с проживанием открытий, методик, потерь и мучений каждого шага, вплоть до отказа от финального рывка в небо.

Тот же долгий путь следует пройти и в сотворении Меня — каждому, кто решится на такое. Признаюсь, Мне даже думать скучно о тех, кто строит Дом по спешной, деловой схеме — желание (потребность) — деньги — проект — деньги — заказ — стройка — приемка — заезд... Далее в ряду должно следовать последнее — или главное? — Жизнь. И она как будто следует: свадьба-дети-работа-отпуск-путешествия-работа-школа-развод-старость-болезни-смерть. Все есть — радуги нет, пульса, идеи, творчества! Потому что такой дом — это лишь стены, пол, аппараты-машины, гады-джеты, чтобы можно было без усилий наслаждаться, и ничего не делать. Ладно еще, когда стихия за стенами, угрожающая природе и лю-

дям, заставит обитателей выйти наружу, чтобы потрудиться — копать, ломать, сооружать, спасать. Тогда их дом на время становится Домом — убежищем для отдыха от трудов праведных. Да и то — на время, ведь труды-то были без замысла, без плана и творения. Все равно что загрузить бездельное вянущее тело покупными бездумными тренажерами, когда уж больше нечем.

Так что давайте постигать Меня не как застывшую, сотворенную данность, а как бесконечный творческий процесс, не имеющий четкого начала, но имеющий определенный конец. Дом умирает вместе с его творцом, и с этим уж ничего не поделать. Надолго остается от него лишь фундамент, все остальное рано или поздно растащат новые случайные создатели, или поглотит природа.

Однако, вернемся к началу — замыслу и первым шагам к воплощению. Вот уж завершены блуждания по полям и сопкам намеченной территории, выбрана уютная площадка на взгорке, не видная с остатка некогда живой дороги. Прочищена от кустов и сухостоя собственная колея, прикинут основной габарит будущего Дома, план стройплощадки и место расположения канализационного септика — основы культурного быта. Получены все согласования по желанному участку и электролинии к нему от ближайшего столба, с ворохом печатей, подписей и неизбежных платежей. Начинается очередной, проектный этап творчества, не менее захватывающий, чем этап созревания идеи.

В этом этапе Он должен выстроить Мой скелет и тело так, чтобы потом, в течение Моего роста, долгой и переменчивой жизни Я доставлял Ему только удовольствие, радость преодоления и постижения. Радость от того, что Он учел все требования от Него самого, от семьи и возможных гостей, которые могут быть ко Мне предъявлены. Чтобы всем хватало удобного места, и все ласкало придирчивый городской глаз. Он засел за чертежи и схемы, которые постоянно обсуждал с женой, понимая, что она и дети, а скорее внуки станут главными критиками Его решений, хотя и не всегда обоснованными. Неизбежно станут, даже если потом все ре-

же будут разделять его компанию в поездках ко Мне — даже в семье у людей всегда разные интересы.

И уже на этом первом этапе рождения структуры, незримым, но глубоко определяющим фактором было Время Жизни. Не жизни вообще, а пребывания в Моем пространстве. Понятно, что большинство творений переживают своих творцов. Так и Я, еще на стадии задумки, определенно создавался Им не только для себя на остаток Его дней и лет. Он думал и о том, кто и как будет обитать во Мне после Него. Да, такой подход порождал массу неожиданных вопросов, причем давал очень мало ответов. Каждый из людей знает, как непросто человеку выстроить в детях интерес к наследованию своих привычек, интересов, профессии. Оглушительный каскад новых технологий многократно обессмысливает почти все, создаваемое людьми, уже в одном поколении.

Даже Мне, создаваемому великим и прозорливым Им, было всегда печально видеть, как Он со своей терпеливой и уютной женой свозили и рассовывали по Моим углам не так давно ценные признаки уходящей цивилизации, просто жалая вынести их на мусорку в городе. По мере того, как создавался Мой мудрый и детально прощупанный мир, Мое пространство заполнялось утерявшими всякий смысл патефонами и виниловыми пластинками, самоварами, пэйдже-рами, видеоплэерами, магнитофонами, транзисторами, видеокамерами, кассетами, печатными машинками, компьютерными приставками и шнурами, пожелтевшими книгами,

поношенными пальто и кофтами, утратившей интерес хозяйки посудой, игрушками выросших детей, обычно тщетно поджидающими внуков, чей мир игрушек все равно будет тотально нов и также неповторим.

О да, этот поток все еще живого, но уже лишнего старья всегда был и остается символом убийственной Вечности, того, что все проходит, и попытки человека консервировать время, останавливать мгновения и этапы — полная и печальная тщета. Неизгладимая и парадоксальная логика советского горожанина, ищущего в дачном уединении не только толику пищевой независимости от давящей страны и видимость возврата к природе, но и создающего там одновременно отхожее место для отжитых ипостасей своего быта, расстаться с которыми душа не позволяет.

Поэтому Я, еще оставаясь в статусе Идеи, с особым интересом наблюдал, как Он мучительно кроил и правил Мой проект. На самом первом подходе к нему, Он какое-то время размышлял — нужны ли Мне и Ему два этажа, или хватит одного, благо что площадка позволяет раздвигать стены. Тут Ему пришлось о многом поспорить, и с самим собой, и с традицией, заимствованной, скорее всего, из других культур. Не скажу, чтобы Он пытался копировать столичные стереотипы, сложившиеся у наших криминальных элит, только что выбравшихся из трущоб, коммуналок и тюремных камер. Слава Богу, от этих глупостей Он всегда был свободен. Им двигал лишь здравый смысл, функциональность

пространства и его удобство — для себя, родных, гостей и тех, кто придет после.

И настал выбор — один этаж или два? Мода, в основном американская, требовала лестницы внутри на второй этаж, где принято устраивать спальни, оставляя общественные пространства внизу. Однако взгляд в будущее, в неизбежную старость и немощь тех, кто, возможно, станет во Мне жить, сопротивлялся: им просто будет трудно ходить наверх. Да и родная традиция, и простор площадки, наконец конструктивные сложности двухэтажного перекрытия, когда строишь в одиночку, диктовали другое. Они снова ставили вечный вопрос: зачем? Я с трепетом наблюдал за Его внутренней борьбой: ну да, лесенка внутри Дома, это так... — и замирал, не умея найти нужное слово. Прикольно? — к чему? Престижно? — да никогда Он не ставил себе задачи ПРЕ-стигать что-то, то есть обгонять, превышать. Он просто Достигал. Но вот почему-то у людей нет такого слова — достигну... Да, лесенка развлекает, когда тело требует упражнений, так их полно вокруг, во дворе и в природе! Не понимал Я и того, зачем топот одних обитателей наверху, отходящих ко сну, должен нервировать других, кто еще пребывает за гостевым столом внизу?

Но Он выбрал два этажа, и Его логика Мне в чем-то понятна. Он полагал, что двое внуков, а там может быть и правнук, когда доберутся до здешних просторов, будут после бурного дня в лесу или на море с удовольствием карабкаться

наверх для сна, пока еще взрослая часть семьи не насытилась общением внизу. И топтаться дети наверху особо не станут — все равно с устатку заснут быстро. Хотя верхний этаж, как однозначно спальня, Он тоже не обошел вниманием: здесь устроена своя невеликая гостиная с музыкальным центром, диваном и мягким светом — на случай, если кому-то вдруг не заспится в ночи. Кто-то, наверное, заметит, что тогда уж и второй, верхний туалет следовало бы обустроить, как обычно принято в коттеджах для большой семьи. Но Я считаю, такое было бы совсем уж перебором: все-таки, Я создан не для плавно текущей жизни по реке времени, а для особых, кратких ее периодов — созерцания и тихого, творческого созидания, для раздумий и поисков духа в часы одиночества, или изысканного общения с тщательно отобранными, мыслящими гостями и книгами.

Выбор двухэтажного варианта ставил перед Ним множество добавочных задач. Сборку каркаса он принципиально замыслил и вел в одиночку, ни разу даже не попытавшись призвать кого-то в помощь. Приходилось постоянно придумывать и сооружать вспомогательные приспособления, чтобы, например, поддержать один конец длинной балки на нужном уровне, пока Он сам будет поднимать и фиксировать другой конец. А ведь балки эти были длиной по пять метров, да и весили ох как немало, так что поднимать их даже за один конец человек мог только с помощью блоков и талей, которые тоже надо было как-то крепить на высоте.

Вся эта морока со сбором основного каркаса поначалу вызывала у Меня многие вопросы. Отчего человек, чья память десятилетиями копит блистательные мгновения любви, преодоления, трагедии и дары, чей интеллект еще полон идей, отчего Он избирает одиночество? Но, по мере того, как Мое тело обретало формы и объем, наполнялось смыслом и функцией, вещами и пространством, ко Мне приходили ответы. Человек устает. Не от работы, шума, города, не от семьи и проблем. Он устает от времени и от памяти. Потому, наверное, и смертен.

Дома тоже устают от времени и памяти о тех, кто в них жил. И умирают, когда жить в них становится некому — мы-

ши и насекомые не в счет. И людей, и дома тихо съедает то же время и окружающая природа, превращая в материал для следующих жизненных циклов и организмов. Поэтому, наблюдая процесс своего рождения, Я хорошо осознаю его просто как этап в цепи превращений. Дерево, из которого выстроганы несущие меня балки, когда-то росло, впитывая из почвы набор веществ, тоже когда-то бывших чьим-то телом. И после Его и Меня, когда нас медленно поглотит природа, мы вновь станем сверчками, червяками и жуками, как тот загадочный Грегор Замза у безумного Франца Кафки. И будем снова и снова наблюдать новый круг жизни в совсем других формах, идеях и страстях. И снова уставать от другого времени и другой памяти. Так задано великим Колесом Сансары, и слава тому, кто смиренно и радостно принимает это вечное правило жизни.

Когда Он, притомившись возней с пассатижами, шурупопвертами и ватерпасами, берет в руки набор фигурных стамесок и начинает ваять причудливый узор на выдвижном ящичке будущего туалетного столика, Я порой ловлю беглый поток Его мысли, и диву даюсь вместе с Ним, как много глупостей и ошибок совершают люди, толкаемые лишь минутной эмодзи — страстью, злобой, жадностью, мстостью, болью, любовью. Хотя итоги этих случайных свершений хорошо известны, описаны в книгах, читаны и... печально забыты. Умение забывать, заложенное во всем природой, оказывается, столь же важно, как и умение помнить. И всякое творчество людское построено на том, чтобы сочетание этих двух умений было красиво сбалансировано.

Творчество — это постоянное создание нового из опыта и фантазии. Опыт понятен каждому и неотторжим от личности, но фантазия — штука непростая. Бредовые образы могут возникнуть в любой голове, наполняя историю богатством чудес, нелепостей и открытий. Сегодня вся эта мешанина материализовалась в цифровом мире, и люди попросту сходят с ума, не умея остановить пробужденные из подсознания ненависть, жадность, страх, жажду высказаться, привлечь внимание — «вот он Я, любуйтесь! Других таких нет!». Есть лишь один способ выпасть из этого губитель-

ного водопада, и Он нашел его — Дом. Вдали, в природе, в Вечности. Дом, обманувший, как говорил Шарль Бодлер, Седого Старца — Время. Его предостерегали, тормозили, останавливали. Нереально, абсурдно, дорого! А Он находил нужного исполнителя или продавца нужных услуг и материалов, выкраивал и копил деньги, нанимал машины — и создавал Меня.

В Нем как будто жили несколько человек. Один выискивал и закупал что подешевле, другой планировал последующие этапы, третий искал вместительный грузовик, чтобы уже закупленные и собранные у него в городском дворе материалы завезти на место строительства. Он был одновременно и главным инженером, и прорабом, и экономистом, и бригадиром, и архитектором, и просто рабочим-строителем широкого профиля — бетонщиком, монтажником, слесарем, плотником, вы можете это себе представить?

...Меня окружала стройплощадка — штабеля досок, брусьев и кирпичей, особо отобранных камней, гибкого шифера, разнокалиберные трубы и ящики, укрытые тентом от дождя, стеклопакеты, мешки со строительными смесями. Все это хозяйство, как некая живая плоть будущего Меня, пребывало в неутомимом, хотя и неспешном движении: что-то уходило в дело, превращаясь в стены, полы, перекрытия, системы жизнеобеспечения, и вновь пополнялось из прибывающих грузовиков. Пока Он не собрал основной каркас, не связал жестко стропила и не выложил крышу, материалы

приходилось при отъезде в город надежно укрывать тентами от дождя и крепить камнями от ветров. Но и позже, когда все это помалу перекочевало под крышу и обрело защиту в виде стен, оставалась иная тревога — весенние и осенние травяные палы, бушующие в наших просторах с завидной регулярностью. Против этой беды помогает только судьба да размер двора — площадки вокруг, чтобы никакой ветер не смог перекинуть пылающие комья летучей сухой травы под стены.

Он, однако, и это предусмотрел, учел, откуда дуют главные ветра в горючий сезон, и это покуда спасало. И сухую траву всегда старался убирать вокруг, от греха подальше. Ветер вообще стал для Него самой уважаемой стихией, как вообще все трудно предсказуемое. Он находил особую усладу в том, чтобы предвидеть любую внезапность, просчитать ее загодя, учитывая множество мелких пустяков, обычно человеком не замечаемых. В их число входили и причуды да изгибы невидимых воздушных потоков, обтекающих в ураганную пору весь его холм, соседнюю рощу и сами Мои стены. Он специально выбирал для приезда самые ветреные дни, когда его прикидки да расчеты можно было проверить на площадке, учесть в обустройстве двора и в Моих конструкциях — в уплотнениях стен, дверей и окон, в креплении кровли.

Однажды, когда у Меня еще не было всех стен, и Он ночевал в палатке, человек, что привез на место порцию материалов в грузовике, вызвался остаться — в помощь.

— Не по-людски это, в одиночку дом-то ставить, — ворчал этот дядька будто сам с собой, но так, чтобы Он непременно слышал. — Мне-то спешить некуда, завтра уеду, а тебе подсоблю, если что. Да я не потесню, палатка у меня своя всегда, тоже на двоих как раз. Я если когда на охоту, одному — не дело!

— Зверей убиваешь? — замер Он. — И что, ближний магазин твой закрыт, колбаски взять негде?

— Да не, охота это как отдых! На природе люблю... Так подсоблю давай, я по хозяйству все могу, еще тебя научу. Бригадой всяко веселей, поговорить о том, о сем, и вообще...

— Знаешь, когда о том и о сем болтаешь, думать не получается, — отрезал Он. — А если не думать, и Дом не получится... Ты вот музыку любишь слушать?

— Ну, когда в ездке, шансон там всякий. Владимирский централ, хе-хе, как у всех.

— Вот потому у нас и избы убогие да кривые, и канавы вместо дорог. Как раз под такое искусство убогих, поломанных судьбой. Такая бригада под такое веселье ничего путно-

го создать не сумеет. Ты Вивальди включи в долгом рейсе, я тебе подарю диск — мир по-другому увидишь, и про охоту свою забудешь. А пока — не помощник ты мне и не собеседник, не обессуди и спасибо. Езжай себе.

— Ну, Бог тебе судья, — сказал этот необидчивый и незадачливый помощник, влез в кабину и уехал, громыхая кузовом на ухабах.

А Он еще какое-то время сидел на обозначенном уже крыльце, глядел в дремлющие под легким ветром луговые просторы, опутанные причудливым меандром тихой речки, и думал. Возвращался в наш с Ним мир творения, который не терпит ни пустых слов, ни случайных людей, даже помощников. Я-то давно понял, что ко всякой взаимопомощи, на которой для многих людей строятся, и без которой легко рушатся важные отношения и связи, у Него свой, особый подход. И совсем не все, с кем Он общается, от кого зависит и кто зависит от Него, этот подход одобряют.

Есть люди, в которых природой заложена способность воспринимать окружающий живой мир как свой собственный. Боль каждого, кто рядом, как боль своего тела и души. Как иногда говорят — те, кто не проходит мимо, а всегда, забывая себя, бросаются прежде участвовать, помогать, спасать. И лишь потом спрашивают — а нужна ли помощь? Иногда это спасает жизнь и судьбу, и спаситель обретает друга навеки, хотя и не всегда склонен такую дружбу поддерживать: интересы бывают слишком разными, и вызванное слу-

чаем общение — тягостным. Но иногда спасаемый вполне в силах справиться с проблемой сам, и более того, всячески хочет избежать внимания окружающих. Кого-то такое внимание даже унижает, выставляя на общее обозрение как человека ущербного, неполноценного. В таком случае нечаянный искренний спаситель рискует нарваться на неприятный и даже оскорбительный отпор, и вместо друга даже обрести врага.

К счастью — или несчастью, кто знает? — есть люди и противоположного склада. Иногда в глазах общественного мнения они кажутся просто равнодушными — те, кто, увидев чужую беду и боль, молча проходят мимо. Никто никогда не считал, да и вряд ли сумеет, где и в каком сообществе таких больше, а где меньше, чем тех, кто мимо не проходит. Но их точно много. В том числе и потому, что среди них немало таких, кто проходит мимо осознанно, проведя быстрый анализ возможностей и смыслов. Они просто оценивают ситуацию, свои шансы и, поняв, что изменить что-то и помочь не в силах — уходят. И вот Мне интересно: много ли таких, кто их осудит? Никто не знает — сколько их, осуждающих. Но Я точно знаю логику осуждающих: они сперва кидаются помочь и спасти, и только потом анализируют. Или гибнут, не успев ответить себе на вопрос — а стоило ли? Достойна ли эта конкретная жизнь или ситуация того риска или той жертвы, разрушенной жизни спонтанного героя?

Так что предложение водителя грузовика о подмоге

неспроста ввергло Его в долгое раздумье: насколько прав Он был, отвергая эту подмогу? Сэкономить время и силы — почему бы нет? Но Он всегда думает дальше: ну сэкономил, вовлек чужого, неведомого человека в свой интимный творческий процесс. И вот он увлекся, начал творить что-то по-своему, диктовать, навязывать, требовать обсуждения, спорить — о, нет! Человек так устроен, что, вложив толику своего труда и души в какое-то дело или в место, непременно захочет сохранить связь и с продуктом этого труда, и с местом. Значит, будет возвращаться сюда снова и снова, превращая случайную связь в зависимость, и в конце концов становясь соучастником процесса. Именно поэтому Его ответ на все подобные предложения — а их было немало, в том числе и от друзей и добрых знакомых — всегда один: НЕТ!

Такую сверку выгод и проблем от возможного пособничества в созидании Меня Он проводил всегда. Тихо и незаметно, невзирая на высказанные и немые обиды людей, которые искренне были готовы содействовать в Его затее, неважно чем — деньгами, опытом, идеями или практическим трудом. Да, такой почти религиозный фанатизм Его одиночества был понятен и одобряем очень немногими. Но как раз они и становились редкими нашими гостями, когда Мое внутреннее пространство уже стало определяться как удобное место для долгих бесед, отдыха и размышления.

Поскольку Я всегда, с момента зарождения идеи, жил в Его душе и мыслях как некая параллельная сущность, фактически был важной частью Его, Я становился и естественной темой, и участником Его бесед с разными людьми и в других местах, где Он решал множество вопросов своей городской жизни, в том числе и добывая ресурсы для созидания Меня. И это были захватывающие беседы, чаще даже дискуссии обо всем, что составляет понятие Человек, что придает его жизни смысл и красоту.

Надо сказать, что в прошлой бурной жизни, до Меня, Он порой ввязывался в такие дискуссии как человек, имеющий свой взгляд на привычки и традиции, из которых состоит жизнь обычного человека в обычном городе обычной страны. Например, Он не соглашался с тем, что люди при власти в далекой европейской Москве постепенно и неуклонно захватывают контроль над главными производствами в нашей области, над всем, что удалось сохранить местным деловым людям ценою немалых потерь. Эти местные в порывах досады от утраченного влияния и потери лица рассказывали Ему, как просто приходят столичные гонцы с красивыми бумажками, и ставят перед фактом: вы, конечно, молодцы, страна вас оценила и готова наградить правом управлять вашим выстрадавшим детищем и дальше. Даже медаль и почетное

звание вам подарим — с этим у нас просто. Только вот распоряжаться прибылью вашего предприятия теперь будут более серьезные люди. Те, которые лучше вас знают, что нужно государству для его укрепления. И лучше устоят при организованных государством или стихийных потрясениях.

И кто станет возражать против укрепления того государства, чье кощеево сердце спрятано за кремлевскими стенами на далеком континенте за горами, и которому от твоей родной земли нужно только то, что дают эта земля и это море — лес, рыба, руда, нефть и хлеб? Да никто: несмотря на регулярные кровавые бунты, возражать власти в обществе людей, где власть веками была равна государю-императору, опасно для здоровья. Он и не возражал, просто спрашивал незваных столичных гостей:

— Хотите заняться тем же, что мы тут? Так займитесь там, у себя, кто мешает?

— Э, там слишком тесно, много желающих.

— Так займитесь чем другим, до чего еще не додумались.

— Э, до всего уже додумались! Зато у вас тут простор, есть где размахнуться.

— Так и размахивайтесь, зачем готовое чужое отнимать?

— Э, оно готовое до поры, долго не выживет — поддержка нужна. Мы и есть — поддержка.

— Да как вам-то знать, что не выживет? Пока вас не было — выживало.

— Так это пока. Просто долго добирались — страна боль-

шая! А мы все одно должны быть. Везде.

— А зачем это?

— Ну как же, чтобы все едино было. Мы страну соединяем, ты что, против?

— Ага, соединенные штаты. Америки или Европы. Знакомо, только у них там каждый штат — своя страна, со своей конституцией и с правами. Никто не приходит забрать — нельзя.

— Ага, то-то они бунтуют без устали, да заводы закрывают. Потому как единства нету. А мы стоим, потому что едины!

Он переживал такие рейдерские захваты, свидетелем которых бывал, всегда как личную драму, как японцы переживают потерю лица. Кто-то вокруг Него бунтовал, возражал, теряя силы и время впустую. Кто-то терпеливо начинал сначала, сменив опороченное лицо на новое. А Он молчал и думал, делал выводы, вносил поправки в свое понимание окружающей реальности. Свое лицо Он не терял почти никогда, потому что оно всегда обращено у него внутрь себя, и мало зависит от витающих вокруг страстей.

Но тут ключевое слово — почти. У каждого человека, и у Него тоже, есть узкий круг близких и родных ему людей, которым Его истинное лицо известно. Которые видят, когда в нем отражается боль. Одна такая боль, не острая — потаенная, загоралась в нем часто, в сетевых магазинах, где царит тотальная упаковка всех вещей в пластиковые пакеты.

Его ум так устроен, что Он видит в каждой вещи ее полный путь на Земле, от сырья до свалки. При каждой покупке Он видел, как пакеты переполняют мусорные баки и площадки, витают с ветром в городском воздухе подобно грозным птицам, цепляются за ветки деревьев, превращая их в дьявольские пародии на новогодние елки. При каждом публичном выступлении, в каждом своем тексте Он напоминал, что ископаемое топливо, превращенное в пластик, уже захватило земли и воды на планете, и подбирается к тем заветным уголкам, где люди привыкли спастись от тревог и угроз тревожного городского мира.

Впрочем, борцов за очевидное с трибун всегда хватало и без него. Только обычно они, испустив пламенную речь против губительной пластиковой привычки и сойдя с трибуны, тут же легко отдавались той же привычке, утоляя жажду из пластиковой бутылки, заговариваясь упакованными продуктами в супермаркете и попивая кофе из одноразового стаканчика. Как вы уже поняли, Он не боялся выглядеть эксцентричным, и главное — не боялся быть таким. Нет, в этом не было упертого фанатизма, все дело было в предпочтениях в быту и одежде, которые Он не навязывал никому, просто — подавал молчаливый пример. В супермаркете на стандартный вопрос кассирши — «пакет?» — он отвечал — «рюкзак» или «авоська», и ставил названный предмет на прилавок, укладывая в него покупки. А приезжая ко Мне, иногда с неизбежными пакетами, постоянно собирал в них все упа-

ковки из пластика, накопленные в ходе строительной и отделочной работы. И увозил в город — туда, где, надеялся Он, когда-нибудь будет налажена надежная переработка пластика.

Конечно, Он не думал, что переработанный пластик, возвращенный в человеческий оборот в каком-то виде, уменьшит его количество в природе. Привычка людей к удобству — великая сила, и противопоставить ей Он мог только собственный бытовой уклад, налаженный в городском доме и у Меня, в Его заветном святилище. Все, кто соприкасался с этим укладом, вынуждены были ему следовать, чтобы это стало просто нормой для всех — так Он верил. При этом уклад, надо заметить, предусматривал не только вдумчивое отношение к пластику, а простирался гораздо шире, охватывая всю сферу человеческого быта и любой деятельности с ее последствиями.

Главный элемент такого уклада — назначение определенного места для всех вещей и предметов обихода, и формирование в семействе строгой привычки к их возврату на свое место после использования. Еще более важной частью уклада Он считает вдумчивое определение судьбы любого предмета, во времени и пространстве. Вещи стареют, надоедают, сменяются новыми приобретениями, и каждый живущий в доме, вступая в обладание и пользование вещью, должен сразу определить ее путь во времени и пространстве, до полного возвращения и растворения в лоне природы. Отсутствие

понимания этого пути у кого-то, по Его убеждению, просто лишает человека права на владение и пользование вещью.

Понятно, это не касалось детей до определенного возраста, но в Его семье порядок был жесткий, и возраст получения такого права начинался даже раньше отправки ребенка в школу. Проблемой всегда оставалась и неприспособленность городского хозяйства к полноценной утилизации и возврату в природу всего, ставшего ненужным для людей. Отчасти по этой причине Он и задумал Меня — Дом, где все, изъятое из природы, так или иначе к ней возвращается в виде, максимально приближенном к естественному. Поэтому в Моем пространстве очень трудно найти что-то совсем уж ненужное, долго не использованное никем: такие вещи через определенное время становились объектом внимания и начинали свой путь к утилизации, всегда очень непростой.

... Однажды ко Мне пришел Человек с рюкзаком, ружьем и удочками, обычный странник на наших вольных просторах. Забрел он сюда случайно, заметив едва заметную колею к Моей площадке и электролинию рядом с ней. И был немало удивлен, что в этой пустынной местности присутствую Я — вполне серьезный Дом для жизни. Человек походил вокруг, сразу поняв, что внутри никого нет, потому как рядом нет машины. Человек этот был пеший, что в наших местах и расстояниях дело непривычное. Сбросил у крыльца свою немудреную поклажу да снасти, покурил, оглядывая простор, изучил замок на двери. Покопался в рюкзаке, добыл простецкий набор инструментов и принялся за операцию вскрытия. Мне сразу стали понятны две вещи: Человек обладает хорошими, чуткими и умелыми руками, способными на многое, и ломать что-то во Мне никак не настроен. Просто хочет воспользоваться неожиданным в его скитаниях уютом — почему бы и нет, если хозяева отсутствуют?

Помешать такому вторжению Мне, понятно, не дано, Мое дело — наблюдать, оценивать да переживать, если что-то или кто-то намерен нанести Мне вред. Человек этот был нетороплив и внимателен, как всякий, кто проводит много времени наедине с собой и природой и вынужден считаться с ее внезапными капризами. Было непохоже, что вскрытие

замка ему доставляет удовольствие: он то и дело прерывал работу, отдыхал, присев на крылечке, размышляя о чем-то, или сомневаясь — не оставить ли, да не уйти своей дорогой дальше? Обошел Меня кругом еще раз, обнаружил в отделении в лесочке простецкий конус нужника, очевидно порадовался — как же без него, пока стройка шла! Посетил, оценил, вернулся к двери, уже ощутив себя как будто приобщенным к месту, немного своим, и вроде бы имеющим некоторое право на вторжение. Это вдохновило его, и возня с замком была продолжена.

Нескоро, не раз отдыхая, всячески осторожничая, пришелец все-таки вскрыл замок и бережно, словно опасаясь подвоха или угрозы, отворил дверь. Быстро отметил идеальный порядок всюду на веранде: ничто и нигде не валялось просто так, всему явно было свое место. Оглядевшись с порога, он снял тяжелые башмаки, надел подходящие тапки из устроенного тут же набора, пересек веранду, отметив аккуратный стеллаж для инструментов в углу, и вошел в гостиную.

Стоял ветреный, но еще теплый октябрь, и Я со дня на день поджидал Его — как обычно, накануне первых заморозков, чтобы избавиться от воды в емкостях и системах и перейти на ограниченный, зимний водный режим с сохранением небольшого объема в баке с электрическим нагревом. Все же внутри было зябко, и гость, обходя помещения, первым делом оценил систему обогрева. Сначала изучил и опробовал электрощиток, разобрался — где свет, и где питание

грелок. Потом обследовал туалет и кухню с холодильником, проверил, есть ли какие припасы и вода в системе: остатки воды еще были.

— Угу, значит скоро появишься, хозяин, — сказал человек сам себе. — Вот и познакомимся.

Поразмыслив и обследовав спальни наверху, гость решил не включать электрический обогрев и обойтись печкой. Благо температура была терпима, и дежурный запас дров Он всегда поддерживал на должном уровне. Отыскав на полках запас круп, человек наполнил остатками воды чайник, включил кухонную печь и сварил немного овсянки, полив ее растительным маслом из найденной бутылки и посыпав солью. Отобедавши таким образом и испив чаю, гость старательно вымыл посуду под тонкой струйкой воды из крана, умело растопил печку и прилег на диванчик тут же, не раздеваясь и одобрительно оглядывая весь Мой уют. Прикрыл было глаза, пытаясь задремать, но непривычность обстановки слишком занимала его, чтобы просто отключиться, несмотря на сытость и уют. Открыл глаз, наткнулся взглядом на книжную полку над диванчиком, наугад снял книгу. Без интереса, не глядя даже на заглавие и автора, раскрыл, полистал лениво, отложил. Привычки к чтению у него явно не было. Был, как нынче водится, телефон, однако сети он не обнаружил, и это его сильно расстроило: делать было больше решительно нечего. Солнце сошло к закату, и, не найдя, чем бы себя занять, и, полагая проблему ночлега на этот раз удачно ре-

шенной, человек все же прикрыл глаза и вскоре заснул.

... — Ну что же, по крайней мере операцию по вскрытию замка вы провели профессионально и аккуратно, не сломали. За что вам полагается бонус в виде гарантированной ночевки. Но для начала будем знакомиться, — громко провозгласил Он, войдя в гостиную, оглядевшись и водрузив пакеты со снедью на стол для последующего разбора. Человек на диванчике слегка встрепенулся от голоса, поднялся и сел, растерянно озираясь — точно как воришка, пойманный с поличным.

— А, ну да, здравствуйте, и извините за вторжение. Стало быть, вы хозяин и есть, — пробормотал он. — Ну и славно, а то все-таки тревожно как-то незванным гостем быть. А замок... да, повозиться пришлось, давно не пробовал. Но я бы посложнее поставил, мало ли кто еще...

— За совет — благодарю. Заодно и за испытание нашей недоступности! — усмехнулся Он, расслабляясь и понимая, что возможной агрессии его гость видимо лишен.

— Так раз уж на то пошло, — осмелел гость, — я бы советовал в этих условиях вообще не закрывать, когда наезжаете временами. Места отдаленные, малолюдные. Ежели и лихой человек забредет, его лучше избавить от нужды ломать что-то для доступа к очагу и уюту. Сибирский вековой опыт, знаете, велит одиночный кров всегда держать открытым, да

еще и припасами снабжать на случай заблудшего бродяги. Иначе для чего и дом тут, среди пустошей?

— Ладно вам, приглашение к дискуссии считайте принятым, хотя представиться бы не помешало. — отозвался Он, разбирая пакеты. — Ну и как вы сюда попали — пешим что ли? Да и зачем, наконец?

— А я так думаю, вам больше есть чего порассказать, если целый дворец тут сотворили! — оживился гость. — Я-то, почитай, никто, нищий бродяга. Бомжевать в городе противно стало, с алкашкой тамошней, вот сюда в эти пустоши забрался, и не жалею. Брошенных домов да стариков по деревням хватает, только руки приложить, и перезимовать можно. Летом природа, лес да море кормят, если к ним с умом и бережно подойти. И собеседники толковые попадаются, даже среди браконьеров. О жизни думают, о природе, как и я... Ладно, если ты не в обиде за вторжение мое, давай уже на «ты». И свою печаль разъясни, отчего бежал, от кого? Или если наоборот — зачем? По Сибири веками многие прячутся — от немилости державной, от суда несправедливого или тупой жестокости. Но ты-то, гляжу, из культурных, книги вон, и руки на месте.

— Это разговор долгий, а я к ним не шибко склонен, — сказал Он. — Думаю, побуждения у нас в чем-то сходные, хотя в городе у меня и дом, и семья, и дел хватает. Вопросы в другом. Ты ведь тоже не вдруг бомжом стал, место в жизни потерял? Дрался за него, трудился, цеплялся, накап-

ливал, любил, дарил и терял — и устал от этого колеса. Ты в нем крутился, а оно тебя переехало и выкинуло на мусорку, как недоеденный беляш. Ты стал отбросом среди отбросов, и ими же вынужден питаться, чтобы жить непонятно зачем. Вот этот правильный вопрос — Зачем? — нас с тобой и равняет. У меня теперь два дома, там и тут, а у других в городе и того больше, по несколько квартир. Типа мода такая — копят вместо денег. Кто-то вроде тебя их снимает за плату, зарабатывая в беготне по городу или по интернету, только это — иллюзия жизни.

— Ну уж нет, место я не потерял, я его нашел! И про иллюзию поспорю: по тебе не скажешь, машина вон, два дома, семья, вроде никаких иллюзий — пытался возразить гость. — Все настоящее. И деньги видать есть. А что же...

— А то, что это ловушка! — перебил Он. — В домах и машинах живут наши тела — едят, спят, любят по привычке. А разум, наш властелин — весь в телефоне да компьютере, в электронном мире. Но он появляется только после зарядки от электросети. Нет его в лесах, в горах и лугах! Нет розетки — и нет твоего виртуального мира, как его принято звать. А ты знаешь, что значит по-английски виртуальный? Это значит — настоящий, правильный. То есть, англоязычные создатели компьютеров и теперь уже искусственного интеллекта, не знаю, по злему умыслу или по недосмотру, нарекли этот электронный мир настоящим. Как бы в насмешку или противовес тому, что мы видим и творим вокруг себя на

земле. И этому псевдо-настоящему, виртуальному миру подчинили всю жизнь, свою и нашу. Она теперь и состоит лишь в накоплении комфорта, обеспеченного электричеством, и в добывании топлива, чтобы электричества было все больше. Чтобы нажать кнопку и запустить игру, где убивают легко и бездумно, отключив разум и совесть. А настоящая, подлинно виртуальная жизнь, где люди трудятся, создают и любят, добывают еду и защищают близких — она ушла в тень, неинтересна стала!

— Занятно, я раньше так не думал, — вставил гость озадаченно. — Ну, у тебя этих проблем тут нет, линия подведена, вроде не на что жаловаться. Только вот телефон не ловит — неудобно...

— Да связь не вопрос, антенну на спутник поставлю, все будет, — заметил Он, чуть смутившись своей неожиданной тирады, но и сдаваясь соблазну завершить ее. — Только дело не в том. Ты прав, мы так глубоко запутались, завязли в этом виртуальном, что оно и впрямь стало почти настоящим. А ведь настоящее — это ты, бродяга, и природа, которую ты выбрал, отказавшись от уюта, сотворенного своими руками, а не кнопкой на панели. Сознайся: он же у тебя был, наверняка был, твой рукотворный дом, семья?

Человек замолк, смялся душой и телом, наблюдая, как Он деловито проверяет краны в туалете, звякает посудой в кухонной нише. Гость подошел к печке, молча подправил полусгоревшие чурки, добавил новых, долго глядел на пламя,

мерцающее в тяговых щелях, прислушивался к тихому гулу в железных недрах.

— Э, чего у каждого из нас было, чего не было — зачем другим знать? — сказал наконец неохотно. — Да и я первый тебя спросил, а ты вот на меня все развернул... Нет, не похожи мы с тобой. Ты учился хранить и строить, а я — терять и дарить. Только в чем больше смысла, мы оба не знаем. Я тебе одно скажу: терять — легче, потери делают нас свободными. Но ты, думаю, ищешь не столько свободы от города, сколько удовольствия в твоих трудах. Это я уважаю, и сам вроде проходил. Только не увяз в этом, а еще честнее — обстоятельства не дали. Но я не горевал, просто решил, что не мой это путь. Вот тебе и разница. Мои радости теперь коротки, как восходы и закаты: пережил ночь в тепле да укрытии, утолил голод или жажду общения — значит, тот день был не зря. Помог слабому или одинокому существу выжить, да день скоротать — выходит, есть во мне чуток смысла. Много никому не надо — себя сберечь и ничему не навредить, что дано природой... У тебя — другое, ну да ладно, прости уж за эти банальности. Давно собеседников не имел!

... Ночь вышла долгая, как и положено по осени, полная шорохов: мыши, чуя тепло, рвались внутрь, искали лазейки в конструкции пола, пытались грызть то, что зубам не поддается. Печку Он распорядился далее не кормить, включив электричество и грелки: — Пока холодов нет, ни к чему дрова жечь. Если что, вот плед накинешь. Поутру я уеду, так что добра тебе! — И ушел к себе наверх.

Наутро гость поднялся рано, еще по первому дыханию зари, осветившему гостиную. Вскипятил чайник, заправился горячим, стараясь не шуметь и не шуршать пакетами. Даже света не включал — огляделся напоследок и вышел обуваться на крыльцо. Накинул рюкзак и зашагал в напирющее утро, более не оборачиваясь. До первого поворота дороги, однако, дойти не успел.

— С добрым утром! — окликнул Он, выходя на крыльцо и глядя гостю вослед с улыбкой. — Вообще неплохо бы попрощаться да спасибо сказать. Или ночь вместе — еще не повод для знакомства?

Человек запнулся, но так, словно и ждал этого окрика. Помедлил секунду, развернулся вспять. Подошел, скинул рюкзак.

— Так с добрым, конечно. Поклон да мир дому твоему, отшельник!.. Знаешь, из далекой моей былой жизни мало

что яркого помнится, а вот одна забавная штука сидит в башке. — Присел на ступеньку, не выказывая намерений снова идти в дом — Не упомяну уж, что за контора была, и чего мне там было надо при коротком визите. И разговор по делам был вроде обычный, ничего в памяти не осталось. А вот табличка над головой столоначальника так и впаялась в мозг, ночами порой снится! Точно божий наказ на всю твою жизнь. Простой такой листок в обычной рамке, даже без стекла. Но все аккуратно написано, крупным шрифтом, чтоб от порога было видно любому, кто вошел: «Проси мало, говори тихо, уходи быстро!» Так что вот, стараюсь следовать по жизни, извини уж, если что. Показалось — мудро.

— Это достойно уважения, — усмехнулся Он. — Интересен не тот, кто к тебе липнет и вяжется, а тот, кто уходит молча. Потому тебя и окликнул: хотя бы завтрак вместе стоит уважить! А там и подвез бы тебя, куда нужно. Только от мышей химию раскидаю, глядишь прорвутся в дом, порушат все. Не любят они нас, пришельцев, в своем мире.

— Ладно, завтрак так завтрак, — согласился человек, заново снимая ботинки. — А с мышами ты верно заметил, мы для них точно незваные гости. Дело твое, а я потому и не пытаюсь им перечить в своей хибаре. Где устроят себе логово, там и ладно, сухарики подкидываю, чтоб не шастали кругом. Главное, чтоб на лежанку не лезли, но это я уж обеспечу. Ты решил свой комфорт тут устроить, так готовься к войне и обороне. Только все одно проиграешь.

— Да пока вот держусь, — улыбался Он безобидно, заваривая дежурную кашу на двоих. — И для меня это не война вовсе, то же творчество, как и сам Дом. Всякое противостояние стимулирует поиск, выдумку, побуждает на хитрость. Город лишает нас этого, раздвигает границы защиты, обрекает на жизнь в искусственном мире, отрезая от виртуального — настоящего. Мне это неинтересно стало — я здесь приближаю границы к себе, а вместо защиты от окружения ищу компромисс, гармонию. Так что и твой опыт мне любопытен — поедem, посмотрим, где ночуешь. Глядишь, и мне что-то сгодится.

— А где придется ночью, то там, то сям. Насчет сгодится ли, это вряд ли, — человек отпробовал предложенную хозяином кашу, видимо удовлетворился и заметил: — Опыт бомжа — минимум потребностей при минимальных возможностях. Никто не знает, почему страус не летает: то ли потому, что разжирел на еде, доступной наземному бегуну, и крылья не удержат, то ли наоборот, такие крылья даны ошибкой природы, вынужден кушать, что найдет на бегу. Так и я: на что набрел, блуждая, тому и рад. Тут, в пустой деревне моя заброшка на эту зиму. Но тебе такой опыт не сгодится: твоя радость на самом себе и замкнута: что сотворил умом и руками, тому и рад...

— Давай я сперва гляну, что и как сотворил ты, в своем мире и в логове. — завелся Он: уж больно чудным оказался незванный гость, сломавший вдруг уютное одиночество. Вро-

де такой близкий, понятный, а все же — совсем другой.

— Да легко, поехали, рядом же. Одно повторю, коль интересно из моего: твой дом здесь, на просторе, в запорах не нуждается — сними замок. Совсем. Отдай, открой природе и тем, кто в нее ушел, как я. Ты же, когда задумал это — Дом! — решал сперва совсем другие задачи. Юридические, потом бытовые, технические. А о душе, той, что станет обитать тут в одиночестве, ты не думал. Твоя душа оставалась в накопленном, городском опыте, в семье и заботах. По мне, в тебе завелся второй Ты, другой, и тебе стало удобно менять свою маску временами. О, я знаю, маска — великая сила, когда она вгрызается в твою плоть и мозг. Я это просек еще до того, как увидел знаменитое кино с этим диковинным кривлякой Джимом Кэрри — даже имя запомнил!

Человек, опередив хозяина в поедании каши и выпивании дежурного кофе, деловито сполоснул посуду в мойке, присел на табуретке у входа, изъявляя готовность уйти. — Но уж если ты принял мое вторжение с миром, и даже интерес проявил — заглянем в мою берлогу вместе, я гостям всяко рад. Глядишь, и твой опытный совет сгодится на грядущую зиму, она для бомжа — всегда испытание.

Сначала Я подумал, что Он меня предал, променял наше с Ним одиночество — молчаливое, вдумчивое, уютное и привычное, на общение с этим странным взломщиком. Хотя, если честно, многое из того, что этот человек говорил и делал, пока был у нас, выглядело разумно и даже деликатно, и совсем не вредило ни Мне, ни Ему. И все же вломиться в чужой дом без спросу — это было трудно принять. А вот Он — принял, и тем вызвал у Меня новое уважение, заставил многое передумать, заново оценить нашу реальность и стоящий за ней смысл. Нет, не предательство это было, догадался Я. Это был для Него новый поворот поиска и познания мира! Он увидел в чужом человеке нечто, не похожее на то, что Он привык обычно видеть в людях, и чего, внутренне и мысленно, старался избежать в себе, сотворяя Меня. Этот человек был самодостаточен, и в то же время целиком растворен в окружающей его природе, принимая смиренно все ее угрозы, тревоги и неудобства, находя наоборот в ней постоянный поток новых событий и сущностей.

Тем временем Он привычно завершил детальный предпринятый обход Моих частей, углов и механизмов, проверил все на отсутствие воды, собрал мусор. На долгие минуты замер у замка с ключами в руке, размышлял: закрывать, или последовать совету? Наконец просто плотно затворил дверь,

завел свою машину, предложил гостю пассажирское место и они отъехали.

Как Я описывал раньше, путь от Меня в то, что зовут «цивилизацией», лежит через брошенную деревню, где в разной степени разрухи доживал свой век с десятков домов да сараев. Только один из них сохранял относительно жилой вид с целой трубой и следами хотя бы периодического присутствия людей. На сей раз машины у того дома не было, а значит не было и людей, и гость направил Его в самый конец единственной улочки, на отшиб. Его хибара была не лучше и не хуже прочих, хотя и сложена в добрые времена из крепкого кедрового бруса на две семьи. Одним боком просела в грунт, сохранив лишь часть тяжелой шиферной кровли, хлипкую дверь и стекла на двух окнах, а часть стеновых брусьев была просто отпилена. В занятой человеком половине стекла были на месте, и простецкая кирпичная труба, к которой по крыше вела лежащая лесенка, хранила следы недавней глиняной кладки. У входа к большой железной скобе был пристегнут тросом побитый, но явно рабочий велосипед с вместительной корзиной на багажнике.

— Вот мой транспорт, спаситель, без него тут пропадешь... Печку пришлось капитально обновить, не знаю уж, каким вандалам она мешала, — рассказывал человек, впуская Его в хибару. — Да и труба наполовину осыпалась, повозился я с ней, ага... Я тут не один, думаю, обретаюсь, бывали и другие. Но подолгу никто не оставался. А так чего —

перезимую наверно, второй половины дома на обогрев хватит, брус там добрый.

Оглядевшись, Он присел на край крепкого топчана, покрытый матрасом и спальником. Дотянулся рукой, потрогал и покачал с виду крепкий стол-верстак у стены, застеленный клеенкой, спиральную плитку на нем с подставкой из пары кирпичей. Приоткрыл стальной рундук рядом, где хранился набор нехитрой посуды и харчей. Отметил веник с совком в углу, выметенный пол, вешалку с рубашками и штанами, умывальник с ведром под ним, мутную голую лампочку под бугристым потолком, ведро с водой на печке, закопченную розетку рядом с выключателем. О, да, это тоже было одиночество, но совсем иного свойства, чем то, что создал Он. Оно не гордилось изысканностью и комфортом, не обещало ничего тому, кто входил сюда, и ничего не требовало. Это одиночество было настолько убого, что казалось чистым от большинства человеческих следов.

— По всему выходит, будем мы соседями на зиму. — сказал Он, явно завершая общение. — Хотя и не буквальными. Предлагаю симбиоз: я в любом случае буду наезжать изредка, могу привозить еду, тебе тут без машины добывать пропитание сложно. Телефонами обменяемся, на главной дороге связь слабая, но все же берет. Ну а ты присмотришь за домом, если что — или пал сильный пойдет с ветром, а то и браконьеры похулиганят. Тебе, вроде, доверять можно. Только розетка твоя того и гляди сгорит, вместе с хибарой,

так что сходи ко мне — теперь не заперто. Там не веранде в ящиках найдешь новую розетку и нужные инструменты. И провода кусок отрежь, не дело это, чтобы розетка в одном углу, а плитка в другом. Прикинь длину, поставь где удобно, надеюсь управишься.

Уже поднявшись на прощание, взявшись за ручку двери, Он вспомнил еще одно: — И знаешь, побереги этот дом, не спеши совать его стены в печку, еще не раз пригодится. Заберешь у меня грелку, там в гостиной, под окном. Пока электричество есть — тебе тепла хватит. Ну, и книги можешь брать, какие по душе — зимой ночи длинные. Я библиотеку годами собирал, за каждой книжкой — история, вот сюда понемногу и вывожу. Не заскучаешь!

— Постой-ка, — притормозил Человек настороженно. — Ты чего это в мой вольный быт так вписался, что прямо наперед меня? Спроси еще, как мне удастся не завшиветь без душа-бани, с одной моей свободой вместо мыла. Да как без переполненного нужника обхожусь? Может, стоит вернуться к началу разговора, где мы равнялись своими «от чего» и «зачем»? Они у нас — разные! И ежели случай нас тут свел, так не вяжись ко мне, как и я к тебе не вязался. Пришел — ушел, и след простыл. Только свобода и осталась. Чего надо — возьмем друг у друга молча, и спасибо нам не нужно. Я теперь так понимаю: если что нас и равняет тут, в этих обломках жизни, так это умение рвать связи. Только в нем, уж ты прости, я тебя преуспел... Нет, я конечно воспользуюсь,

что ты мне даришь и что организм по любому требует. Но вот чего хочу избежать меж нами — мериться зависимостями, кто кому больше должен, кто больше нужен. Дистанция — вот что дорого, и чтобы никаких ниток-связей. От них одни вечные беды, при очень коротких радостях...

Молча присел Он обратно на лежак, рядышком с человеком. Молчал и думал долго. Ломалось в Нем что-то глубинное, вечное от таких суждений, и перемыслить это было нелегко влёт, с наскоку: слишком привык Он к медленному размышлению.

— "Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый есть часть Материка, часть Суши. Смерть Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством. А потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе". Наверное, ты слышал такое, в нашем поколении все, кто читал и думал, знают Хэмингуэя и Джона Донна из шестнадцатого века. Люди выстрадали это на казнях, войнах и смерти, и ты пытаешься это отменить? Выключить, обесточить?

— А ты — разве нет, со своим Домом-островом в пустоте? Я давно часть этой пустоты и отбросов. Меня уже обесточили, по мне никто не зазвонит. А ты живешь... нараскоряку, ни остров, ни человечество. Чего же тогда?

— Знаешь, на днях телевизор включил, девчуля там какая-то кривляется. — заговорил Он тихо и раздумчиво. — Много их теперь, на всех каналах, блогеры называются. Что-

то все пишут, болтают, видео снимают, и все это в Интернете, в телефонах. Я-то ладно, выключил и нет ее, а оказалось, ее миллионы читают, слушают, смотрят! Подписчики, это теперь такая категория людей, которым нечего делать. Раньше были ткачихи, доярки, инженеры, токари, а теперь — блогеры да рэперы ни о чем... И вот говорить ей не о чем, ни черта же она не знает, не умеет, только языком трепать — а вот миллионы подписчиков!

— Да это я знаю — дурдом чистый. От чего и бежал также, хотя в самом начале, — вставил бомж.

— ...И не думай, что одни дети дурные да бездельники ее слушают, — продолжал Он. — Правоохранители, оказываются, всю эту...ахинею слушают, смотрят, чтобы не дай бог чего не так ляпнула. И дожидаются! В этом поносе глупости и грубого самолюбования при желании что угодно найти можно, что властям не по душе. И начинаются разборки, суды на весь свет. А почему, знаешь? Оказывается, ее дураки-подписчики не просто слушают этот бред, а своими подписями приманивают рекламу и деньги. И становятся эти блогеры миллионерами, а значит людьми, достойными государственного внимания. И некому это остановить, понимаешь?... Классика Маркса навыворот: миллионы, которых используют как помойку для пошлости и резонерства, рады быть использованными — бред! Потому я и строю Дом тут, в лугах и рощах, где блогеров не слышно и не видно. Они же с подписчиками сегодня и есть наше человечество, ни разу

не достойное, чтобы по нем звонил колокол...

Так началась для Меня совсем другая зима. И Я уже не могу сказать порой, как было лучше. Как прежде, когда Он заезжал разок в месяц, а остальные долгие недели Я пребывал в сонном созерцании звезд и их отражения в ледовой глади озера, пока не упал снег, да в тревожном трепете наружной обшивки и кровельных плиток при жестких ветрах. Или теперь, когда знакомый бомж из бывшей деревни начал захаживать частенько. Поначалу унес к себе то, что Он позволил, потом позаимствовал и сверх того: понадобились ему лом и лопаты, чтобы заново, пока не промерз грунт, обустроить у своей халупы туалет класса «нужник» взамен переполненного прежними обитателями. И Я это принял со смирением: как и для Него, для Меня аккуратность всех отхожих мест в человеческом жилище и вокруг него есть главный признак высокой культуры и достоинства обитателей.

Этот человек с условным именем «бомж» мысленно жил уже как будто на два дома: бытовал-то конечно у себя, но в мыслях держал и Мои пространства и системы, как будто перенял от Него после краткого общения часть Моих забот и тревог, чтобы ничего дурного вокруг в долгую зиму не случилось. А Я, став устойчивой частью его мыслей, так же неотвязно стал наблюдать его странную жизнь, полную реальных, новых для Меня забот.

Это была трудная судьба, на грани выживания. Одно ведь дело, когда за стенами твоего жилища стоит надежный агрегат с теплым салоном, сильным мотором и полным баком топлива, способный в любой день доставить тебя из одного места в другое, из сомнительного и проблемного комфорта — в полноценный. Когда все нужды твоего организма, в еде и наоборот, удовлетворяются легко и по соседству, в том числе потому, что у тебя есть своя роль в окружающем обществе, и оно за исполнение этой роли платит, деньгами и благами. И совсем другое, когда ты — сам по себе, отринул блага и технологии общества, осознав их эфемерность, ради единственно подлинного для тебя блага — свободы. Ты избираешь путь изгоя, клейменый в людях веками и эпохами, от пещер до небоскребов. И как бы ни возвышала эта свобода тебя в себе самом над их обитателями, тебе всегда будет труднее, чем им.

Потому что ты, по крайней мере, пытаешься быть честным перед природой и Универсумом.

... К центру зимы, когда невысохшие остатки снежных наносов в лугах и на склонах сопот покрылись надежным настом и льдом, а нужник при халупе, собранный из подручных обломков соседних домов над новой ямой обрел устойчивость под жесткими морскими ветрами, халупа стала внутри вполне жилой и прилично держала тепло. Человек приноровился раз в одну-две недели совершать вылазки в ближайшие деревни за двадцать-тридцать километров, где в охот-

ку и с обоюдной выгодой помогал по хозяйству одиноким старикам да старушкам. Чинил заборы и стайки, менял подстилку, наносил воды из колодцев и далеких колонок, колол дрова, закупал продукты в местных убогих магазинчиках, купорил щели в старых дощатых стенах и много чего еще.

Самой важной в этих экспедициях была для него возможность протопить у одинокой бабульки простецкую баню, помыться-отогреться в ней самому да помочь хозяйке. За все это взамен наполнял он корзинку своего велика творогом, яйцами, мясом, хлебом, овощными консервами а порой и бутылкой самогонки. И устраивал себе в халупе, добравшись через день-другой, тихий праздник. Иногда, чисто для разнообразия, он менял маршрут и навещал давних знакомых на рыбацкой ватаге у морского мыса. Здесь он напивывался тяжелой бригадной работой, незамысловатым общением, плотным теплом и солидным запасом мороженой рыбы.

А поскольку жизнь свободного человека в дикой природе всегда полна неожиданностей, одна из них и случилась однажды в начале марта, в оттепельный полдень. К халупе нежданно причалил Он на своей машине, и главное — не один. Из задней дверцы выбралась девица вполне взрослых лет в камуфляжной куртке и широких штанах избыточного размера, с рюкзаком и вольно распущенными волосами из-под капюшона. Человек вышел гостям навстречу, являя готовность к редкостному любопытству.

— Теперь и ты незваных гостей встречай, сосед, твоя оче-

редь! — весело сообщил Он, пожимая жесткую руку и привычно оглядываясь. — Вот принимай мадам, подобрал на дороге, пешую. Утверждает, что она — Аглая, и что ищет кого-то вроде тебя. В пути распевала песни, протяжные, прямо как наши луга.

— Так пожалуйста, сосед. Тебе я завсегда рад, — одолел растерянность бомж. — Сразу скажу, дарами твоими воспользовался с успехом, и даже нужник вот отладил, перезимовал прилично... — И, развернувшись к Аглае, прищурился: — А имя у него есть, у того, кто вроде меня, странница? И чего от него-то надо?

— Не от него, во-первых, а ему. От меня. — плавно заговорила девица красивым певческим голосом. — Имя у него вроде Кузьмич, так мне мой Васька говорил, когда на войну уходил. Я его дружков поспрашивала, и вроде как бомжует его батька тут по лугам да заброшкам, потому что со всем кругом несогласный. Ну и пошла искать, потому как без Васьки мне с хозяйством туго, и батька бы очень сгодился...

— Так Кузьмичей на свете немало, певунья. Тем боле несогласных! Равно как и Васек. — озадаченно проговорил Кузьмич. — Да и чудаков, что на войну за деньги сбегают от нашей безнадеги, по Руси пруд пруди... Ладно, ну развела нас судьба с Василием и матерью его по сторонам. Давненько уж, у каждого по-своему сложилось, что ж тут особого? Все как у всех, и по-мирному. Мать свою жизнь построила в городе, Васька, я вижу, свою, да и бог ему судья. А если я с

чем несогласный тут, так оно уж точно не твое дело.

— Отлично, вот наконец и познакомились, Некто Кузьмич! — усмехнулся Он и заспешил. — Так что вы тут разберитесь, кто кому и зачем, а я загляну в свое хозяйство, что там да как. Кстати, я так вижу, Аглае придется у тебя заночевать, как бы все у вас ни обернулось. Ничего, раскладушку я сейчас доставлю, и продуктами поделюсь, только сумку разберу. К себе не зову — ты мои правила знаешь, Кузьмич.

Он укатил к себе, точнее — ко Мне, чему Я был неутомимо счастлив после долгих недель, пока Меня навещал лишь этот Кузьмич. Все у нас с Ним было снова как всегда — вдвоем, на полном понимании и чутье друг друга, без странных жизненных загадок и неожиданностей. Все неожиданности теперь переместились в халупу к соседу Кузьмичу, где два чужих человека настороженно пытались прощупать друг друга сквозь плотную шкуру недоверия, воспоминаний и непонимания.

— Так ты Ваське, стало быть, подруга? По имени жена? — вопрошал Кузьмич.

— А вы, стало быть, блудный папаша Кузьмич? — парировала Аглая.

— Это кто еще из нас блудный! — ошетинился бомж. — Я по дорогам песни не пою, как некоторые. Я — вольный, и тем горжусь! Подаяния не прошу, что имею — зарабатываю и добываю сам... — И, снижая тон, сменил тему: — Так что, он и правда на войну записался? И где он, как?.. Да ты вооб-

ще докажи, что это он с тобой, мой Василий — фотку, что ли, или документ какой, а то...

Аглая скинула рюкзак, присела на крылечке, скинула капюшон, обнажив пышные светлые волосы. Закурила, достала из рюкзака пакет с бумагами, извлекла фото.

— Гляди, я думаю точно твой. Он искал тебя, дознался через знакомых, что мужик тут по деревням блуждает, на вёлике, на тебя похожий, дома чинит да на жратву зарабатывает. А брошенная деревня в округе вот эта одна и есть. Так что я тебя вычислила.

— Да где Василий, чего ты тянешь, какая на хрен война? — заволновался Кузьмич, признав на фотке своего забытого сына.

— Эй, ты чего, с неба свалился? Какая разница, что за война — афганская, чеченская, сирийская, украинская? Она всегда одна — кровь, ненависть, поломанная жизнь и дети-сироты! Сгинул поди твой Васька без вести, бросил меня в этой глуши, и что теперь, нового искать? Поздновато мне, я же его постарше... Хорошо еще, детей не завели. Я вот думала — контракт подпишет, миллион свой получит, дом починим, тогда и... Фига два — пропал нигде, и никому ничего я не докажу, что это я была с ним, что был контракт и что он вообще там был!.. Нет, я-то в райцентре не пропаду, я много умею, петь в ресторане пойду, у нас недавно открыли... Но хозяйство мужика требует, вот я и подумала: есть же этот папашка Васькин где-то, почему не отыскать? Дру-

зей его пытала, сказали ты по району тут бродишь... Дом, наследство мое, хотела на Ваську переписать, да не успела: погнался он за деньгами, да, похоже, за гибелью своей. Даже пожениться не собрались как-то...

Глядел Кузьмич на нее — разгоряченную своей нескладухой и неожиданной удачей, завлекательную этой горячкой и внутренней силой. Глядел на ничейный убогий двор, на луга вокруг и только что собранный нужник конусом, покосившийся забор, который так и не собрался выправить в минувшую зиму. На все, что на глазах утрачивало смысл как одинокая обитель тишины и покоя, если обуявшая его новая история вдруг окажется реальностью, и придется ввязаться в нее, потому что другого выбора просто не останется. Куда ее девать-то теперь, эту Аглаю несусветную, раз появилась? Не гнать же, все-таки как бы и родня, если не врет все, но история видится правдивой. По слухам, что собирал он в скитаниях по деревням и разовым работам, таких семейных обломков да парней-контрактников, а в итоге потеряшек, в последние времена в округе немало. Только говорят о них шепотом, жалеют тихо и помогают соборно, как испокон велось на Руси.

Тут подъехал Он, вытащил из машины раскладушку, пакет со снедью, поставил у крыльца, рядышком с девицей. — Вот, переночуйте пока, завтра будем думать и решать, кто есть кто и что с вами делать. Довезу куда надо, не дело вам тут вдвоем куковать, на днях еще пурга ожидается по прогнозу.

И исчез за поворотом.

Разбирая пакет и устанавливая раскладушку, мужик нехотя, с натугой ковырялся в давней своей памяти. Хватало там всякого, и того, что душу грело недолгим семейным теплом, возней с подрастающим шустрым, жадным до всякого знания Васькой. Пацан на удивление залюбил школу, просиживал после уроков в тесной школьной библиотеке, где перечел все возможные приключения и истории о путешествиях. Кузьмич с женой дивились и радовались, что нет у сына похожей на болезнь общей детской тяги к пэйджерам, мобильным телефонам и компьютерным играм, хотя простецкий компьютер у них был, и какие-то незамысловатые игрушки в нем стояли. Нет — Ваську было не оторвать от книг, которые он тащил в дом отовсюду. Даже интерес к богатому набору инструментов у мастерового отца, столярных и слесарных, тоже немалый, неизбежно уступал в Васькиной душе жажде до книг.

— А знаешь, пап, — сказал сын однажды за обедом. — В Гималаях есть такая гора Канченджанга. Она святая, и выше восьми километров, прикинь? Многие туда мечтают подняться, со всего мира едут, деньги годами копят, тренируются. Она очень опасная, многие гибнут, не дойдя до вершины. И я когда вырасту, обязательно на нее поднимусь. Вот увидишь! Буду тренироваться и деньги копить... Я в одной книжке видел ее, наш русский художник Рерих нарисовал, она такая красивая, как... как королева! И имя у нее тоже

королевское — Канченджанга!

Почему-то именно этот эпизод всплыл в заскорузлой памяти Кузьмича, пока он заваривал для них с Аглаей принесенную соседом корейскую лапшу Доширак.

— А сначала эта лапша называлась Досирак, — усмехнувшись, перебила Аглая волшебные воспоминания Кузьмича. — Глупые люди эти начальники и торгаши. Думают, если одну букву в слове поменяли, так никто уже и не упомнит, что сперва оно звучало неприлично. Или вот японские суси тоже переназвали зачем-то, теперь на этих кафешках «суши» написано, сама видела. Вот придурки: чего мне сушить, не хочу я ничего сушить, я сырой рыбы хочу, суси! Видать старались, чтоб народ про сиськи не сильно думал, да?

— Ишь ты! — дивился Кузьмич. — Ты чего, на филолога что ли училась? Такие штуки примечаешь. Когда в мире вокруг и других глупостей полно.

— Не, это все Васька... — приоткрылась она воспоминаниям. — Мы с ним на спорте сошлись, после школы скоро. На областных соревнованиях. Я тогда еще ничего не знала, кем хочу быть, раздумывала между музыкой и сельхозом, родители-то деревенские. А тут Васька, он тренировался как бешеный, все про свою Джангу болтал, как ненормальный, что на нее обязательно залезет. В общем, бабушка моя в деревне умерла, когда все кругом рухнуло, а родители крутились в городе, торговали-выживали, как все. Вот нам бабушкин дом и остался, семью значит свою строить. Он книг с

собой из города приволок туда, целую машину, и меня приучил... Знаешь, а мы с ним красиво жили, плевать что разруха и нищета: за всякую подработку хватались. Только детей все откладывали — не готовы были. У нас — горы, цель жизни! Он даже загранпаспорт себе сделал, готовился, английский осваивал. А потом война... Затянуло его это. Теперь, похоже, насовсем...

— Так ты ходила в конторы, выясняла что-то, где и как, тебе же положено наверно? Отыскать его, документы найти, свидетелей? Не бывает же так, чтоб совсем в никуда сгинул! — включился Кузьмич. — А я-то ничего не знал, потерялись мы все в этих перестройках. Да и знал бы — ничего не поменял. Захватила эта воля, как и его...

— Васька такой был, сам по себе всегда. Про родителей если и вспоминал, то как про интересную книгу, отдельно от себя. А когда дом и хозяйство в деревне взяли, я такая же стала. Работали день и ночь, копили, мечтали. Но не о детях — они губят мечту, так Васька считал, лишают свободы выбора.

— Точно в меня, дурень! — вставил Кузьмич. — Моя порода, а я и не заметил...

— В конторы, говоришь? Ходила, а как же. Полгода — это еще не срок, терпи, говорят. Иные годами ждут, говорят, порой и дожидаются груз двести, вот и весь тебе ответ. Вместе с твоими деньгами, гарантиями, контрактами и надеждами! Так что, папаша, теперь твой черед это хозяйство держать.

Только кому теперь это нужно? Ни детей... Одна я, да эта
Джанга...

В ночь эти два обломка несостоявшейся семьи спали кое-как — больше говорили, узнаваясь, вспоминая, горевали по давним бедам и глупым разлукам. Сомневались, что забытый сын Кузьмича и пропавший почти муж Аглаи все же один человек, и хотели верить, потому что если нет, то и зачем она здесь дарит этому заскорузлomu одиночке такой непривычный праздник общения — с ней, как со своей. Почти родной, и бесконечно чужой. И все пытались понять, как же так все сошлось, что семья Кузьмича рассыпалась, словно утренний дым над рекой, легко и бесшумно, просто ушли все в разные стороны, не оглянувшись, не испытав боли, ведомые каждый своей мечтой и волей.

— Неудержимый он был, Василий, — словно оправдывался Кузьмич. — Мне, говорит, в городе тесно. Простору хочу. Поля-горы, леса-моря, землю обнять, дурачок! И сила в нем, поверишь, могучая, мне не одолеть! Да и зачем? — взрослый вольный, свои страсти бушуют... Та же энергия, что у матери, только та в другую сторону — бизнес, деньги, возможности, круготня эта деловая... А может эта же тяга в нем сидела, что и во мне... Только не в луга наши, а в горы?.. Вот же напасть — и откуда бы?

— А я мечтала петь, — почти шептала Аглая, поскрипывая раскладушкой. — У бабушки радиолa стояла, древняя. И

пластинок набор, какие хочешь, еще из ее молодости, романсы больше — Обухова, Вертинский, Карузо. Родители бардов копили, Дольский, Егоров, Окуджава, Визбор — я все с ними пела, выросла на этой музыке. А теперь что — всякую чушь тараторят без рифмы, а музыка сама по себе, рэп называется. Тоска берет, Кузьмич!.. И знаешь, мы, бывало, заспорим: куда нам дальше жить? Без задачи вроде неправильно... Он то к матери склонялся, в город, то тебя искать, что-нибудь вместе замутить — идеи в нем плодились, как тараканы в кухне!

Оба надолго замолчали, вслушиваясь в тишину, ворочая в уме одну, теперь общую неопределенность: дальше-то что? Появление женщины с неожиданным каскадом новых, тревожных задач разом порушило его только что налаженный на зиму хрупкий быт, и это Кузьмичу сильно не нравилось. Отвык он от нервных напрягов, связанных с деньгами, банками, конторами и чванливыми тетками среди компьютеров, бумаг и печатей. Максимум, что заставил себя совершить в этом чуждом мире за последние несколько лет — выбрался в город со знакомцем из рыбаков, оформил скудную пенсию и банковскую карту, с которой мог каждый месяц снимать этот снисходительный подарок государства, наведываясь в большую, все еще живую деревню райцентра. Так и существовал, больше полагаясь на случайную добычу в море и продуктовые дары от заказчиков его разовых работ, чем на эту пенсию. А теперь вот разбирайся с неожиданной морокой — заню-

во пропавшим, даром что давно забытым сыном, да с его то ли подругой, то ли вдовой...

Но было в его ночных раздумьях и иное, более глубокое и скрытное, что он мучительно и неуспешно пытался гнать прочь все эти годы, как ушел в свою свободу по имени — «одинокчество». Впервые за долгое время, которое он пугался даже мерить, рядом с ним спала женщина, и сам этот факт напрочь лишал сна. То, что она была, он уже поверил, женщиной его сына, по странной прихоти его замшелого опыта, не то чтобы создавало меж ними некий нравственный барьер — об этом он тоже подумал, а как же. Но в глуби одичалой натуры зверя-одиночки эта данность наоборот создавала некую особую связь, почти родство, пробуждающее совсем уж дикие для него, но вполне заманчивые фантазии по поводу возможных будущих отношений. Женщина, по его прикидке, была вполне в цвету, в раскованных манерах даже превосходила его привычную сдержанность, и, если все правда о пропавшем на войне Ваське, отныне приманчиво доступна для новых родственных отношений.

...Это все одновременно возбуждало и манило его, потому поутру Кузьмич больше молчал, никак не находя, с какой бы темы начать разруливать накрывшую его нескладуху. Погода, по счастью, держалась устойчивая, не предвещающая ни дождя с возможным снегом, ни заморозков. Можно было обстоятельно побриться — женщина все-таки рядом! И потом просто тупо заниматься завтраком, упорно вычищая из

ГОЛОВЫ навязчивые мысли из разряда возможных планов —
чего делать-то, как вести себя?

Впрочем, если не радикальное, то сиюминутное избавление от этого вопроса было очевидно, и пришло сразу с пробуждением. Надо просто ждать, ничего не обсуждая и не планируя: рано или поздно приедет сосед, человек, который всегда знает все наперед. И Он уж точно решит, что и как им отныне следует делать. Если подобрал Аглаю на дороге, Он их теперь не оставит, по крайней мере даст правильный совет и отвезет, куда нужно...

— ...С добрым утром, бродяги! — сказал Он, заглушив машину и уверенно входя в хибару, где двое чаевничали в натужном безмолвии. Оглядевшись по-хозяйски, взял свободную кружку, налил и себе, присел к Аглае рядышком. — Я так понимаю, коль скоро вы нашлись, выбор у вас обоих невелик. И по ком звонит ваш колокол, вам понятно... Приходится признать, Кузьмич, свобода долгой не бывает, в отличие от самой жизни. Как ни старайся рвать связи, все равно будешь зависим, так уж мы, люди, устроены... Отрезанная при родах пуповина — просто обман, ложный символ свободы. Я вот ночью поразмышлял, и даже больше понял: наши связи, неважно — тягостные или теплые, душевные или по делу, они ведь тоже иллюзия, символ. Попытка разума заменить реальную пуповину чем-то незримым, но более сильным, чувством... Смысл-то понятен: всем нужны

дети, хоть с ними и полно мороки, просто иначе — зачем и мы сами? Ты вот от сына ушел когда-то, или он от тебя, а он тебя все равно отыскал, таким вот чудным способом...

— Что же вы от своих-то сбежали сюда? — заговорила Аглая с очевидной укоризной. Она была, на взгляд Кузьмича, вполне себе свежа и привлекательна после ночи, чем он и объяснил для себя ее несколько агрессивный настрой. — Может, вам тоже пора пожить как мой тесть, а дом подарить бродягам да сиротам?

— Не дури, Аглая! — одернул Кузьмич. — И не равняй нас с Ним! Видала бы ты этот дом на бугре — дворец! Да там... руки приложить некуда, Он все заранее сделал, лежи себе и читай книги, с ума сойдешь со скуки!

— Так покажите, спаситель и сосед! — весело перебила Аглая. — Что же от дворца и уюта обратно в город бежите? А оттуда назад... Небось, жена достала, или дети непокорные? Так нормально, я ужас какая непокорная была сама!

— То разговор долгий, и вечный, — уклонился от ответа Он. — Кто от чего бежит, к чему приходит. У каждого отдельная история. Но это не теперь, нет: день настал, пора действовать. Что я уже понял про вас: пора Кузьмичу свертывать это бунгало и перебираться к тебе, Аглая, строить дальнейшее вдвоем. Только решайтесь сразу — вот моя машина, едем в райцентр, в другой раз я буду не скоро.

— Так ты скупой, что ли, дядя? — обиделась женщина. — Покажь дворец-то, богатей, раз уж подобрал меня на дороге.

А то увезешь теперь, и все... — И вдруг, встрепенувшись от новой мысли, сменила тон на лестный. — А то может я и пожила бы у тебя, присмотрела за твоей дачкой? Мало ли кто тут шляется под видом охотников — влезут, нагадят, а то и сожгут... Да и Кузьмич бы не против, хоть и стесняется, а что?

— Не о том думаешь, певунья, — пресек ее Он. — Мой дом не для жизни, он для раздумий и творчества. Нечего тут сидеть долго — без связи, без транспорта, без дела... Трудиться тебе нужно, пенсию зарабатывать да свой дом содержать. И мужа искать, если пропал — кто кроме тебя станет? Тут по военным конторам придется побегать в городе, если он контрактник, это теперь вам обоим задача... За утрату, кстати, тебе и поддержка от государства положена, пенсия или что, разбираться нужно.

— По конторам это пускай Кузьмич теперь ходит, — отмахнулась Аглая. — Меня обманут раз плюнуть, лишь бы не платить. И наврут что хочешь. Скажут — если не муж, значит дезертир, еще и в суд потянут — не-ет, я как-нибудь сама. Или другого найду, а что, мне куковать одной с домом? Да может и Кузьмич с хозяйством поможет...

* * *

... Критично и пристрастно обходил Он в райцентре типично убогую «усадьбу» Аглаи, явно отвыкшую от умелых

хозяйских рук, а может и никогда их и не знавшую. Сам не понимал толком — зачем Ему погружаться в эту совсем чужую жизнь, да еще опаленную далекой войной и связанными с нею опасками. Но тот самый, неведомый поэтический колокол уже звенел и в Нем, а значит и по Нему, и просто оставить двух безмашинных бедолаг без своей опытной поддержки было теперь нельзя. Привычный в Его душе, такой родной рукотворный Я все сильнее оказывался потеснен поиском новых решений для этой внезапной полусемьи Аглаи и Кузьмича, и Мне приходилось с этим мириться. Он медленно, для себя незаметно, уже начал отрезать Мою пуповину, обрекая Меня на все большее одиночество и тихое умирание...

Обойдя дозором небогатый двор Аглаи с сараем и давно опустевшей стайкой, пригодной разве что для козы да пары чушек, Он отвязал с крыши джипа велосипед Кузьмича и деловито расположился за столом в простылой горнице. Аглая уселась напротив, наблюдая, как хозяйничает Кузьмич, готовясь разжечь печку.

— Я так вижу, певунья, вдвоем вы тут обустроитесь без великих трудов и без внешней помощи. Думал было, посодействовать в поисках вашего Василия, тут можно и по телефону что-то выяснить. Но если ушел он всего полгода назад, а войне уже второй год идет, ничего кроме терпения вам пока не понадобится. Человек занимается нормальной мужской работой, в полном ладу с задачами государства. Так что

просто храните дом и семью, а как там у него все вышло — сам расскажет, если захочет, когда вернется... Если вернется... А что понадобится сделать или узнать в городе — просто звоните, номер я дал. Разок за месяц я обычно приезжаю, буду к вам наведываться по пути, если уж познакомились.

— За то вам поклон, странный человек! — сказала Аглая. — Больше всего, что мимо не проехали. Мне показалось, вы строили свой дворец для уютного одиночества, не знаю уж, зачем еще. А одиночество и стало вашей проблемой, общения захотелось. Чужих проблем — со своими стало скучно! Это я понимаю. Васке вот тоже было скучно тут, тесно, он и воспользовался войной как шансом угнаться за мечтой... Знаете, стыдно наверно так думать, но вдруг он уже там, на пути к своей Канченджанге? Получил миллион на карту и сбежал. Все документы с собой — ищи ветра в поле по белу свету!

— То есть, ты заранее подозреваешь его в преступлении? — осторожно спросил Он. — Не слишком лестно и близком человеке, правда?

— Я же сказала, стыдно думать так! Но если он не скрывал, зачем ему эти деньги, и все документы забрал с собой, что мне еще думать? Ну повоюет немного, а там, если выживет... Кстати, в Гималаях гибнут тоже многие, как и на войне, какая ж разница?

— Ну-ну, — усмехнулся Он. — А ты, отец, тоже так думаешь, нет разницы?

— Я так думаю, те деньги надо было раздавать по нищим сиротским деревням без всякой войны, а не плодить олигархов. — раздумчиво молвил Кузьмич, прикрывая загудевшую печку. — А то теперь сирот, безотцовщину только множат повсюду.

— У нас в райцентре, говорят, детдом открыли, так он уже переполнен, — вставила Аглая.

— Городские вон, как ты говорил, по две квартиры держат, — продолжал Кузьмич. — И детей не хотят. А на войну мужиков по всей округе сгребают, это нормально? Да хорошат по-тихому, кого отыскиали там, ночами, видал я однажды. Кто их детей прокормит-воспитает?

— Дело говоришь, Кузьмич, — одобрил Он — Даром что сам от всего отстранился... Но не мне судить, и то правда... Однако поеду я, пора. Добрых вам вестей!

... Недаром говорят, что дух человека живет не только в рожденных и воспитанных им людях, но и в сотворенных им вещах. Только вещи часто живут дольше людей, и сберегают этот дух, когда уже и прах человека давно истлел и забыт. Неведомо Мне, через какие загадочные связи и в каких сферах все, что творит человек в потоке жизни, оказывается сплетено в причудливую паутину связей и смыслов, ошибок и откровений. И живет дольше его смертного тела.

Уехал Он в город, в семью, а Мне оставил наблюдать и переживать эту зиму и паутину, объединившую Мой сложный организм, отходящий от зимней спячки, брошенную Кузьмичом хибару в опустевшей деревне и наполненный новой жизнью дом певуны Аглаи в райцентре. И теперь, расширяя свое сознание за пределы недавней стройплощадки, Я стал лучше видеть Его городской быт и дом, впитавший многие годы стараний и усилий, и намного более сложный, чем Я. Начал себя ощущать пасынком, приложением к чему-то главному, и потому менее значительным. Это новое во Мне было и радостно — я стал шире и богаче! — и грустно, как, наверное, бывает весело и грустно взрослеть пятому ребенку в большой семье.

Легко понять, что Мне было бы естественно ревновать к Его городскому дому, как подсознательно ревнует любов-

ница своего мужа к жене, которую он категорически не собирается бросать. Или как жена, узнав о любовнице, ревнует к ней, подозревая неведомую собственную неполноценность. На самом же деле, после того, как Он спровадил нашего неожиданного гостя в его хибару, одарив лишь на одну ночь частичкой Моего уюта, Я обнаружил в такой собственной изоляции нечто более глубокое, сидящее в Нем и в самом факте сотворения Меня. Понятно, в главном, городском доме, давно ставшем частью Его семьи, Ему стало чего-то не хватать. Там за долгие годы вырос и ушел в самостоятельную жизнь их сын, там в свои первоначальные годы подрастали двое внуков, тоже постепенно отходя в сторону, уступив место памяти, тишине и покою. Так зачем Ему еще и Я, с той же тишиной?

Само собой, там, в мастеровом углу своего большого кабинета, в баньке и во дворе, всюду хранились следы Его трудов, в ходе которых Он мастерил свою мебель. Сперва она украшала тот дом, а по мере Моего сотворения стала частью Моего пространства вместе со множеством элементов конструкции. Все, из чего Я состою и чем ценен, есть не что иное, как часть Его великого Одиночества — капсулы, существующей за пределами благополучной семьи, но принадлежащей совсем иным пространствам.

И вот теперь, вписываясь в знакомые повороты долгой дороги в город, оставив в райцентре Кузьмича и Аглаю, Он вдруг почувствовал себя обделенным. Не захотел Он пока-

зять певунье — Аглае Меня, но почему? Не решился: Я все еще остаюсь для Него чем-то слишком интимным, что непременно утратит свою чистоту и ценность, если согреет другие души. Вдруг Он осознал исходную ошибку: создал Меня как произведение, достойное лишь одного зрителя — самого Себя. И ценное, пока сам способен им наслаждаться. Оправданий тому много, и Я их не раз приводил: отсутствие надежного источника воды, ограниченная возможность канализационного септика, неустойчивость связи, оторванность от районной системы утилизации отходов делает постоянную жизнь в Моем пространстве невозможной.

Я — произведение искусства, недоступное никому больше. И потому — ущербное, обреченное на умирание. Бесценное, вдруг нашлось определение, и тут же Я запнулся. Люди отчего-то привыкли называть бесценным то, что выше любой цены. А ведь по сути самого слова бесценно то, что цены просто не имеет. Никакой. Потому что никому не доступно и не нужно. Как пыль на дороге, как ветер, который просто есть. Хотя даже ветер, тоже не имеющий цены как будто, может дарить радость... К этому ли Он стремился, наслаждаясь процессом творения, отгородившись от его итога — Меня?

... Вернувшись домой, за вечерним чаем Он вдруг предложил Жене:

— А давай отметим какой-нибудь праздник в нашем Доме, там, на хуторе? Соберем детей, друзей, кто с машиной, и

нагреем? Я воду завезу заранее, может и антенну на спутник поставить успею... Устроим типа субботник весенний, грядку под овощи заведем наконец...

— Неожиданно, — чуть подумав, сказала Она. — С чего бы это? Про огородик ты же всегда был против, некогда тебе... Уверен, что твой недоделанный септик, да и весь Дом такое нашествие выдержит? И мне потом этот ворох постелей стирать, а тебе гору мусора вывозить? Какой смысл?

Она была права: необычно, и Он это знал. И сам, удивившись внезапной идее, признался: — Смысл есть, но кажется, совсем в другом... Просто там пришел человек, бродяга, предложил не закрывать Дом на замок, когда уезжаю.

— Ты его впустил ночевать? Совсем на тебя не похоже, — осторожно отозвалась Она.

— Скорее, он вошел сам: аккуратно вскрыл замок, и просто вошел. Аккуратно! И тихо ждал меня. Понимаешь, он вообще ночует где придется, в какой-то там заброшке, а мой Дом, со всеми удобствами, стоит пустой, месяцами... Думаю, как-то не совсем...

— Ну, дом — не игрушка. Если сам не знаешь, что с ним делать, пусть уж дети решат потом... Кстати, он ведь у тебя и не рассчитан...

— В том и дело, это была моя ошибка! Идея — Дом для раздумий и творчества, — не соответствует результату и уровню комфорта. Даже место я выбрал ошибочно, хоть и красиво — без воды жить нельзя, а завозить не всякий ста-

нет...

— Что значит всякий? У тебя не бывает всяких! Или ты решил-таки его сдавать?

— Нет, в нынешнем виде нереально. Но можно подумать... В районе, говорят, детдом переполнен, и сирот с войной будет только больше. Можно, наверное, договориться с властями, чтоб завозили воду регулярно, септик довести до ума и антенну на спутник. За зиму и по мусору тоже договоримся, вот с десятков сирот можно и разместить с куратором. И огород тогда уж непременно. Школа теперь и по интернету доступна, после ковида всему научились...

Задумчиво вглядывалась Жена в Него, пытаюсь отыскать внешние признаки такого глубинного разворота. Погруженная в свою не слишком обременительную работу, по выходным взявшая на себя заботы о двух внуках-школьниках, она смиренно дожидалась пенсии и привыкла не только уважать, но и ценить все Его творческие причуды, в основном связанные с обустройством быта теперь двух домов и с воспитанием внуков. Для Нее Я был важной частью Его жизни и души, и она, изредка наезжая в Мои дали, искренне наслаждалась созданным Его руками уютом. И, что Я всегда особо ценил, никогда не претендовала стать частью Моей сущности и пространства. Кстати, в отличие от Кузьмича, нового героя нашей поначалу неторопливой истории: тот с первого восхождения на крыльцо внутренне уже тайком претендовал на Меня. Но на сей раз, ощутив глубинную перемену в Его оценке

Меня, считав в Его взгляде начало превращения Меня-личного в Меня-товар для других, Она встревожилась. Однако, следуя подспудной женской мудрости, на которой стоит любая крепкая семья, решила начать с одобрения.

— А ты начинаешь взрослеть! — сказала одобрительно. — Отдавать самое дорогое чужим, не ожидая платы и даже робкого «спасибо», это право по-настоящему взрослого человека — поздравляю! Самое главное дальше — не позволить памяти напрягать тебя суммами и усилиями, что ты потратил на Его сотворение, когда чужие начнут тихо и радостно рушить твой рукотворный уют. Но я уверена — ты сумеешь! И с властями Я тебе, конечно, помогу, сколько надо.

За пару ночей, проведенных в полуразрушенных домах поселка, как бы захваченного своими, Василий понял, что захват этот вилами по воде писан, и протянется ровно столько, сколько у его взвода уйдет на так называемую зачистку. И неизвестно еще, кто кого зачистит здесь окончательно — всякое бывало. Как водится, многие дома, добротнo сложенные из кирпича и снабженные полноценным дворовым хозяйством, были так или иначе повреждены, иные разбиты в прах целиком. Это вызывало у Василия подлинно зубную боль и досаду: даже если кто из однополчан и ненавидит этих солдат, говорящих на твоём же языке, почему мирные люди, живущие своим хозяйством в крепком доме, должны потерять все? Просто потому, что какой-то неграмотный придурак из глухой деревни в нашем блиндаже, научившись управлять дрон-пультом, так похаживает на игровую приставку в доме зажиточного соседа, направил дрон именно на этот дом? Тем более, что в родных местах, где Василий сошелся со своей Аглаей, такие дома были редки, зачастую считались едва ли не буржуйскими, вызывали законную зависть — когда чистую, а когда и черную...

До сих пор, за время полугодового контракта и уже после, пока его еще не принудили к продлению, уцелевшему и даже отличившемуся Василию удавалось избегать попадания

в боевые группы штурмовиков, самые рискованные и опасные. Их командиры собирали из особого контингента — молодой и рискованной деревенщины, зачастую и вчерашних зэков, отморожков, купивших себе эту сомнительную волю за подписанный контракт. Попутно сметливые офицерики и сержанты пополняли свой кровавый карманный капитал, собирая откуп с тех, у кого еще оставались контрактные деньги или желанные косячки, и кто сильно не спешил помирать на штурме.

Первое и главное, что он понял на этой войне невидимых сигналов, была культура обращения с телефонами. Точнее не культура в готовом виде, а школа по ее усвоению, оплаченная жизнями многих полуграмотных новичков, выросших в мире соцсетей. Учились они все, с первого дня в окопах, друг у друга и у тех, кто уже с учебки разбирался в этих заумных приложениях, режимах, блокировках и ловушках. Первым правилом, которым делились опытные бойцы и за соблюдением которого следили командиры, было иметь два телефона: личный кнопочник и боевой смартфон. Кнопочным, куда обычно забивали один-два домашних номера, Василий, послушав разных печальных историй, решил не пользоваться вовсе, поняв, что любая активная симка на фронте — источник сигнала для врага. Аглая подождет. Он хранил его вместе с изъятymi симкой и батареей, надежно упакованными в пластик. Боевой смартфон включался только в ходе боевой задачи и в критические моменты.

В этом мире тотального недоверия, страха и продажности, Василий ухитрился заслужить некоторую благосклонность командира, избегая тратиться на льготы и лояльность. Благодаря многим читанным книжкам и пестрому опыту, умел быть полезным в решении разных сопутствующих прифронтовых задач. То помогал новичкам после учебки разбираться в картах, то командовал на обустройстве блиндажей и наладке связи, то подвизался на вывозке раненых и убитых, в распределении гуманитарки или даже в комендантских патрулях. Случалось и отмазывать перед командиром незадачливых новичков, трусишек и потеряшек, которым грозили серьезные кары по категории СОЧ — самовольное оставление части. На сей раз получилось вписаться в команду чистильщиков, действующих в только что занятой деревне параллельно с саперами. Работа была не намного менее опасной, чем другие занятия в зоне активных боев под жужжание дронов. Зато она давала Василию возможность бродить по селу в одиночку, неустанно обдумывая способы достижения своей главной цели — бегства с фронта. Да, он готовил для себя тот же СОЧ, от которого отмазывал других, понимая при этом, что в случае неудачи ему может грозить и что покруче...

Бережно храня и пряча на теле главные свои ценности — оба паспорта, справку участника, телефоны и банковскую карту с зачисленным миллионом с хвостиком, он уже перебрал немало вариантов. Начинал с двух базовых путей:

уйти в тыл к своим под каким-то временным благовидным предлогом, а там еще подкопить деньжат на восстановительных работах в захваченных землях. Предлог, однако, найти было непросто: в тыл регулярно отправлялись лишь калеки... Подумывал он даже найти такого же беглеца в рядах противника и, спасая его от плена, уйти к нему в тыл. В обоих вариантах были свои риски и свои плюсы, так что выбор, даже при возникших возможностях, был очень нелегким и неизбежно рискованным. Это неустребимое осознание риска поначалу просто будоражило его, притупляя осторожность и как бы усиливая готовность к главному риску его судьбы — грядущему восхождению. Но со временем он мысленно разделил это, понимая: чем больше риска на войне, тем меньше шансов испытать его потом, в горах.

Однажды в блиндаже за вечерним чаем Василий разговаривал с недавно прибывшим новичком, еще не имевшим позывного, и выяснил, что они оба из одних дальневосточных краев. Посидели, всколыхнули каждый свою память и тревогу за близких: что с ними станет, если...? Сумеет ли Аглая наново собрать его рассыпанную семью, или пригреет у себя в доме кого-то из пацанов, не слишком падких ни к рискам, ни к трудам по обустройству собственной жизни?

— Слышь, Колян, я что подумал, — сказал Василий в азарте душевной открытости. — С нами тут всякое случается, с любого рейда можем вернуться калекой или в мешке... Нам-то что, мы подписались на это, а наши мам-

ки-женки при чем? Чиновники не спешат родных извещать, да и не успевают, сколько нас! И что им думать дома, месяцами без весточки? Телефонам веры нет, они и спасти могут, и тут же угробить. Потому вот: если что с любым из нас, давай пообещаемся с тобой навестить родных, рассказать как все было, ага? Адресочками обменяемся, записками, и выйдет, будто письма отправили домой...

Так и сделали, и у каждого из них в паспорте появилась бумажка-закладка с чужим именем, несколькими душевными словами и адресом, по которому земляки божились съездить, когда все кончится и если один из них не вернется. Оба не понимали, какой в этом зароке заложен смысл, но помнили из разных военных фильмов, виденных в детстве, что при таких поминальных эпизодах в душе всегда зарождалось что-то теплое, совсем не похожее на трепет и страх войны. Поразмыслив над бумажкой, Василий подумал: имя и адрес, как-то скудно. И приписал: «Прости, Аглаюшка! Люблю тебя безгранично, но, мне кажется, мечту свою Канченджангу все-таки сильнее. Потому не жди скоро, а если и погибну, скорей всего там, так лихом не поминай...»

... Решение и верный путь подсказала Василию сама фронтовая жизнь. При зачистке улиц недавно занятого (по версии командования — освобожденного) села они с напарником на время разделились, договорившись действовать самостоятельно до вечерней встречи в базовом иштурмовом блиндаже. Для Василия такая непривычная отвязка от сво-

их была первым шагом к тому, чтобы потеряться насовсем, к СОЧу, а значит — к искомой свободе. И тут он обратил внимание на участок улицы, где разрушений было меньше: по всему, крупные снаряды сюда не прилетали, разрушения наносили дроны. Где-то лишь снесен кусок стены с окном, дыра в крыше или груда досок во дворе — остаток бывшего сарая или простецкой стайки. Один дом с колодцем неподалеку выглядел почти целым, только сорванная дверь валялась у крыльца. На крыльце под солнышком мирно дремала рыжая кошка, наслаждаясь паузой в противно зудящих дронových атаках.

Нетронутым оказался и железный гараж с двухскатной крышей, на одной стороне которой сверкала синевой цельнохонькая солнечная панель. «Странно, почему на гараже, а не на доме?» — подумал Василий, и счел необходимым осторожно заглянуть внутрь, откинув одну створку ворот. Там стоял старенький «жигуль», а в глубине, в окружении обычного гаражного хлама у дальней стены белел большой замызганный холодильник. Открыв дверцу, вместо ожидаемых пустых полок он обнаружил лесенку вниз, в подвал: оттуда, теперь уже ожидаемо, сочился слабый свет.

— Эй, есть кто живой? — крикнул на всякий случай, взяв автомат на изготовку.

— Да есть, только не стреляй, ладно? — отозвался развязный мужской голос. — Чей бы ты ни был, лучшие поговорим...

Подвал был просторный, с дощатым полом, простым столом на козлах и нарами. Одну стену занимал стальной стеллаж с разным бытовым барахлом, среди которого Василий сразу отметил скомканный камуфляж и обычные вражеские атрибуты, включая автомат незнакомой системы, набор бутылок и обычной деревенской посуды. В углу рядом стояло несколько пластиковых бутылей с водой. Над столом висела на проводе маленькая лампочка, неплохо освещающая пространство. Давненько не бритый мужик с проседью в бороде, в джинсах, пыльных берцах и брезентовой куртке сидел на нарах, попивал из кружки. Перед ним на столе валялся смартфон и недвусмысленно сияла бутылка с мутным варевом. Казалось, он ничуть не удивился и не испугался гостя, а был даже рад.

— Заходи, вежливый человек, гостем будешь. Автомат сразу убери вон туда, а кружку наоборот возьми, и присаживайся. Нам есть чего обсудить, и спасибо хозяину, есть где и с чем... — Он по-братски набулькал из бутылки в протянутую Василием кружку и чокнулся. — Ты из комендатуры, чистильщик, или из санитаров? Штурмовики-то ваши вчера еще наперед ушли, а я уж тут третий день кукую, жду затишья... И варианта, как бы половчее превратиться из пленного в беженца. Может ты и есть мой шанс? Телефон включать не рискую, шарахнут сразу, а вот поговорить живую — другое дело.

— Сегодня я чистильщик, а завтра как знать, — осто-

рожно отозвался Василий, сбросил автомат и глотнул самогону, не видя в мужике угрозы. — Если командир уже бабок нахапал вдоволь на откупах, так может завтра и в иштурм загнать, с зэками. У вас разве не так?.. В такой войне, когда ни один командир не знает главной цели и не видит смысла, лучшие свои планы строить... Сам-то, как я вижу, отвоевался? И чего ждешь, комендатуры и плена? Рисково, пацаны тут сильно разные бывают, могут прибить по злобе, никто и не спросит...

— А вот мы вместе и обсудим, чего ждать, — мужик отставил кружку, протянул руку. — Я Игнат, если что... Уходить надо по-любому, думаю тебе это понятно. Пока ваши патрули не нагрянули... и пока мы самогон не прикончили... Сразу скажу тебе, через нашу сторону почти нереально: все одно отловят где угодно, избыют и вернут. А то и грохнут на месте: злые, что отступаем. Так что, по моим раскладам, идти надо к вашим, шансов больше. Значит, тебе и рисовать план, куда и как. Денек-другой твои тут побродят и уйдут дальше, в никуда, хе-хе! Придет комендатура, вот с ними, думаю, тебе и придется схему строить. Или вокруг них, в обход — тебе видней, пока амуницию не скинул.

— Ладно, а я Василий. Ишь ты, как все наши сказки разгадал сразу! — возразил Василий. — Не верь сказкам, врут все, во всех окопах... Я ж тебя тут же сдать могу, и отпуск себе заработаю, а то и медальку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.